

КЕН ФОЛЛЕТТ

КЛЮЧ К РЕБЕККЕ

Захватывающее дух приключение!

Time

Annotation

Египет, 1942-й год.

Вторая Мировая война расколола на только Запад, но и Восток.

На пыльных улочках экзотического Каира развернулась настоящая война «бойцов невидимого фронта» Великобритании и Германии, а местные жители, по давней арабской привычке, пользуются этим, чтобы плести собственные политические интриги.

Таков фон, на котором начинается ожесточенное противостояние двух профессионалов Большой игры – немецкого шпиона-диверсанта и английского контрразведчика.

Они равно умны и бесстрашны. Равно считают, что цель оправдывает средства, и не готовы щадить ни себя, ни других.

Но победа достанется только одному...

-
- [Кен Фоллетт](#)
 -
 - [Часть 1](#)
 - [Конец ознакомительного фрагмента.](#)
-

Кен Фоллетт

Ключ к Ребекке

© Ken Follett, 1980

© Перевод. Д. Грацевич, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Часть 1

Тобрук

1

Последний верблюд издох в полдень.

Этот пятилетний самец белого цвета, купленный в Джало, был самым молодым и выносливым из трех верблюдов и к тому же наименее норовистым. Хозяину очень нравилось это животное, насколько вообще может нравиться верблюд. Другими словами, он ненавидел его лишь самую малость.

Увязая в зыбком песке, человек и верблюд взобрались с подветренной стороны на небольшой бархан и остановились на его вершине. Их взору предстали тысячи одинаковых песчаных холмов, на покорение которых можно потратить полжизни. Казалось, эта безрадостная картина повергла верблюда в отчаяние. Его передние ноги подкосились, зад осел, и животное безжизненным памятником застыло на самой вершине холма, со смертным равнодушием обозревая просторы пустыни.

Хозяин подергал уздечку. Голова верблюда повернулась, шея напряглась, но сам он не двинулся с места. Человек обогнул его и несколько раз ударил ногой по его спине. Желаемого эффекта это не произвело. Тогда хозяин достал острый как бритва загнутый бедуинский нож и полоснул верблюда по крестцу. Тот даже не пошевелился, хотя из раны брызнула кровь.

Путник отдавал себе отчет в том, что происходит. Истощенное голодом тело животного перестало функционировать, словно машина, в которой кончилось горючее. Случалось, верблюды точно так же умирали, добравшись до оазиса, в окружении живительной растительности – просто потому, что у них уже ни на что не было сил.

У бедуина оставались еще две возможности поднять своего спутника на ноги. Можно было вливать воду верблюду в ноздри, пока тот не начнет захлебываться, или же развести под его крупом огонь. Однако идущий по пустыне мужчина не располагал достаточным

количеством воды и дров, чтобы тратить их подобным образом, тем более что оба способа могли оказаться неэффективными.

Так или иначе, продолжать путь было нельзя. Солнце взошло уже довольно высоко и теперь неистово палило. Самое начало лета: в это время года в Сахаре температура в тени достигает 110 градусов по Фаренгейту.

Не разгружая навьюченного верблюда, путник открыл одну из своих сумок и достал палатку. Машинально оглядевшись и удостоверившись, что поблизости нет ни укрытия, ни хотя бы тени, он разбил палатку прямо рядом с умирающим верблюдом, на самой вершине холма. Затем, скрестив ноги, уселся у входа в палатку и взялся за приготовление чая. Для этого пришлось разровнять небольшую площадку прямо на песке, установить несколько драгоценных сухих веточек наподобие пирамиды и развести огонь. Когда вода в котелке закипела, он заварил себе чай, как это обычно делают кочевники: перелил кипяток из котелка в чашку, добавил заварку и сахар, потом перелил обратно в котелок, чтобы дать настояться, и повторил эту процедуру несколько раз. Полученное таким образом крепкое, приторное варево показалось ему самым бодрящим напитком на свете.

В ожидании заката путник грыз финики и наблюдал за умирающим верблюдом. Человек был спокоен. Он проделал длинный путь по пустыне, оставив позади больше тысячи миль. Два месяца назад он вышел из Эль-Аджелы на средиземноморском побережье Ливии и, преодолев пятьсот миль в южном направлении, через Джало и Куфру пришел в самое сердце Сахары. Отсюда повернул на восток и, никем не замеченный, пересек египетскую границу. Пройдя через скалистую безлюдную местность Западной пустыни, повернул на север в районе Харги и теперь уже находился недалеко от цели путешествия. Он знал, что такое пустыня, и боялся ее – этот страх испытывают все разумные люди, даже кочевники, которые проводят в пустыне всю жизнь. Однако человек никогда не позволял себе поддаваться страху, не впадал в панику: старался не растрчивать нервную энергию. Случалось всякое: то из-за ошибок в расчетах приходилось проделывать лишнюю пару миль, то бутылки с водой давали течь, то совершенно здоровые верблюды неожиданно

заболевали. Единственным ответом было «Иншалла»: на все воля Аллаха.

Наконец солнце стало клониться к западу. Путник взглянул на верблюда, прикидывая, какую часть поклажи можно унести на себе. Три небольших чемодана европейского вида – два тяжелых, один легкий – были одинаково необходимы. Кроме того, нельзя обойтись без сумки с одеждой, секстанта, карт, продуктов и бурдюка с водой. Уже слишком много: значит, придется оставить палатку, чайные принадлежности, котелок, планшет и седло.

Бедуин связал вместе три чемодана и прикрепил к ним одежду, еду и секстант. Из полосок материи он соорудил подобие лямок, чтобы узел можно было нести на спине, как рюкзак, а бурдюк с водой повесил на шею так, чтобы он болтался на груди.

Ноша получилась тяжелой. Еще три месяца назад он был достаточно силен, чтобы нести подобный груз целый день, а вечером сыграть еще партию в теннис, но пустыня истощила его. Кожа была покрыта ранами, он потерял двадцать или тридцать фунтов в весе. Без верблюда ему далеко не уйти.

Сжимая в руке компас, измученный странник тронулся в путь.

Он неукоснительно следовал направлению, борясь с искушением обогнуть встречающиеся холмы. Смерть шла за ним по пятам на протяжении этих последних миль, и малейшая ошибка, вызванная отклонением в сторону, могла стать фатальной. Забыв о своих надеждах и страхах, он сконцентрировался на стрелке компаса и песке под ногами. Ему удалось даже отрешиться от боли измученного тела и переставлять ноги автоматически, без единой мысли и, следовательно, без всякого усилия.

Вечерняя прохлада медленно опускалась на раскаленную пустыню. Бурдюк с водой становился легче с каждым глотком. Путник запретил себе думать о том, сколько воды осталось: дневная норма составляет шесть пинт, из чего следует, что на завтра воды не хватит. Внезапный шум крыльев над его головой возвестил о пролетающей мимо стае птиц. Прикрывая глаза рукой, он взглянул вверх и узнал песчаных куропадок, похожих на коричневых голубей. Эти птицы пустыни известны тем, что каждое утро и вечер целыми стаями слетаются к воде. Они двигались туда же, куда указывал компас.

Значит, направление выбрано верно. Но путнику было известно, что они могут пролететь в поисках воды более пятидесяти миль...

По мере того как пустыня охлаждалась, на горизонте собирались облака. Спустившееся и теперь висевшее на уровне глаз солнце было похоже на огромный оранжевый мяч. Некоторое время спустя на пурпурном небосводе появилась белая луна.

Путник стал невольно подумывать о привале, ведь человеку не под силу идти всю ночь напролет. Но у него не было ни палатки, ни одеяла, ни риса, ни чая, и он твердил себе, что близок к цели: по крайней мере, так выходило по его расчетам.

Он спокойно продолжал путь, однако это спокойствие граничило с душевным опустошением. Все свои знания и силы он направил на борьбу с пустыней, но, по всей видимости, пустыня одерживала верх. Путник снова и снова вспоминал верблюда, которого он бросил умирать, размышлял о том глубоком спокойствии изнеможения, с которым животное ожидало смерти, лежа на холме. Но он – человек – поступит иначе: как только смерть станет неизбежной, он тут же ринется ей навстречу. Долгая агония, подкрадывающееся безумие – все это не для него, все это недостойно бедуина. Не зря же у него с собой нож...

Мысли о смерти повергли бредущего по пустыне в отчаяние, он уже не мог подавить страх. Луны не было, но вокруг разливался звездный свет. Вдруг он увидел перед собой свою мать, словно живую, она покачала головой: «Только не говори, что я тебя не предупреждала!» Он услышал, как, тихо пыхтя и медленно перебирая колесами в такт его сердцебиению, движется поезд. Маленькие камешки бросились из-под его ног врассыпную, будто крысы. Ему мерещился запах жареной баранины; стоило вдохнуть полной грудью, как впереди появлялось мерцание костра, на котором жарится мясо, и обгладывающий кости мальчишка возле огня. Вокруг были разбиты палатки, паслись верблюды, вдалеке виднелся источник. Путник пошел прямо на галлюцинацию. Привидевшиеся ему люди удивленно смотрели на идущего к ним бедуина. Из темноты появился какой-то высокий человек и что-то сказал. Пришедший принялся медленно разматывать повязку, закрывающую его лицо.

Высокий мужчина в изумлении сделал шаг вперед и воскликнул:
– Брат!

И тут странник понял, что это не галлюцинация. Он улыбнулся и рухнул на землю.

Когда он пришел в себя, ему на мгновение почудилось, что он снова стал ребенком, которому взрослая жизнь привиделась в кошмарном сне.

Кто-то тряс его за плечо со словами: «Просыпайся, Ахмед», со словами, произнесенными на языке пустыни. Его уже давно не называли Ахмедом. Он осознал, что лежит на песке, закутанный в шершавое одеяло, с бедуинской повязкой, обмотанной вокруг головы. Открыв глаза, увидел величественный восход солнца, раскинувшийся радугой над плоским черным горизонтом. Холодный утренний ветер обдувал лицо.

В этот момент он вспомнил и вновь пережил все отчаяние и смятение четырнадцатилетнего ребенка, впервые проснувшегося в пустыне. Он вспомнил, как подумал тогда: «Мой отец умер», а потом сказал себе: «У меня есть новый отец». Обрывки сур из Корана путались в его голове, смешиваясь со словами Символа веры, которому мать втайне обучала его в Германии. Вспомнилась недавняя острая боль обрезания, после которого родные приветствовали его и дружески хлопали по плечу, поздравляя с тем, что он стал настоящим мужчиной. За этим последовало длинное путешествие на поезде, прошедшее в размышлениях о том, какими окажутся его двоюродные братья, живущие в пустыне, и в опасениях, что они будут презирать его за бледность кожи и городские привычки. Мальчик выбежал с железнодорожной станции и увидел двух арабов, сидящих рядом со своими верблюдами прямо в пыли; они были с головы до ног закутаны в традиционные одежды, которые оставляли открытой только одну часть их тела – темные, непроницаемые глаза. Арабы отвели его к роднику. Все общались с ним при помощи жестов, что удивляло и пугало его. Вечером он понял: здесь нет туалетов, и это повергло его в непреодолимое смущение. Но он все же был вынужден задать постыдный вопрос. На секунду в воздухе повисла тишина, а затем грянул всеобщий смех. Оказалось, они были уверены, что их новый родственник не знает арабского, – вот почему они старались объясняться с ним на языке жестов. Кроме того, их рассмешило то детское выражение, к которому он прибегнул, чтобы выразить, что ему требуется. Кто-то объяснил мальчику: нужно отойти за круг палаток и

присесть на корточки прямо на песок – и после этого он уже гораздо меньше боялся этих грубых, но вовсе не злых людей.

Так все ощущения, смешавшиеся в его душе, когда он смотрел на свой первый восход в пустыне, вернулись двадцать лет спустя вместе со словами: «Просыпайся, Ахмед» – и были такими свежими и болезненными, как будто все произошло только вчера.

Путник резко сел, и воспоминания рассеялись, словно утренние облака. Он пересек пустыню с жизненно важным поручением, нашел родник, и это оказалось не галлюцинацией: его двоюродные братья были здесь, как всегда в это время года. Он потерял сознание от усталости, и они завернули его в одеяло и дали выспаться возле огня. Следующая мысль оказалась тревожной: а драгоценная поклажа? Донес ли он ее до костра? Увидев свои вещи, заботливо уложенные в ногах импровизированного ложа, он успокоился.

Рядом на корточках сидел Исмаил. Так было и раньше: в течение целого года, который они – двое мальчишек – провели в пустыне, Исмаил всегда умудрялся проснуться первым. Теперь он сказал только: – Дела плохи, дружище?

Ахмед кивнул:

– Да, война...

Брат протянул ему маленький сосуд, украшенный драгоценными камнями. Ахмед смочил в воде пальцы и промыл глаза. Исмаил ушел, и отдохнувший за ночь странник поднялся с песка.

Одна из молчаливых и услужливых женщин подала ему чай. Он взял напиток, не поблагодарив ее, и быстро выпил. Пока вокруг неспешно собирались в путь, он съел немного холодного риса. Эта ветвь их семьи по-прежнему производила впечатление состоятельной: у них были слуги, много детей и более двадцати верблюдов. Находившиеся при палатках овцы составляли только часть стада, остальные паслись в нескольких милях дальше. То же самое касалось и верблюдов: ночью в поисках пищи они отдалялись от места стоянки и, несмотря на путы на ногах, иногда пропадали из виду. Мальчишки разыскивали их и возвращали назад, так когда-то делали и Исмаил с Ахмедом. У животных не было кличек, но Ахмед безошибочно различал их и знал историю каждого. Он мог сказать: «Это верблюд, которого мой отец подарил своему брату Абделю в тот год, когда умерло много женщин. Потом верблюд повредил ногу, отец забрал его

и подарил Абделю другого, а этот – видишь? – до сих пор хромает». Ахмед научился разбираться в верблюдах, но так и не смог принять отношения к ним бедуинов: поэтому он так и не разжег огня под тем, что умер накануне. Вот Исмаил бы даже не вздумал сомневаться.

Ахмед закончил трапезу и вернулся к своей поклаже. Чемоданы не были заперты на ключ. Он открыл верхний; одного взгляда на кнопки и шкалу компактного радиоприемника, тщательно уложенного в прямоугольную коробку, было достаточно, чтобы воспоминания замелькали перед его внутренним взором, как кадры из фильма: безумная гонка жизни в шумном Берлине; широкая улица под названием Тирпитцуфер с тремя полосами автомобильного движения; четырехэтажное здание песочного цвета; лабиринты коридоров и лестниц; приемная с двумя секретаршами; просторный офис с письменным столом, софой, картотекой, маленькой кроватью... А на стене – японская картина с изображением ухмыляющегося демона и фотография Франко с автографом... А на балконе офиса, выходящем на Ландверский канал, – две таксы и преждевременно поседевший адмирал, который говорит: «Роммель хочет, чтобы я направил агента в Каир».

В чемодане также лежала книга – роман на английском языке. Ахмед прочел первую строчку: «Прошлой ночью мне приснилось, что я вернулась в Мандерлей». Из книги выскользнул сложенный лист бумаги. Ахмед поднял его и аккуратно положил обратно, захлопнул книгу, убрал ее в чемодан и закрыл его.

У него за спиной стоял Исмаил.

– Путешествие было долгим?

Ахмед кивнул.

– Я пришел из Эль-Аджелы, это в Ливии. – Географические названия были пустым звуком для его брата. – Я пришел от самого моря.

– От самого моря!

– Да.

– Один?

– Вначале у меня было несколько верблюдов.

Исмаил проникся благоговейным страхом: даже кочевники не осмеливались проделывать такие путешествия. К тому же он никогда не видел моря.

– Но зачем? – спросил он.

– Все из-за войны.

– Одна шайка европейцев борется с другой за право владеть Каиром. Какое нам дело до этого? Мы – дети пустыни...

– В войне участвует народ моей матери, – ответил Ахмед.

– Мужчина должен идти по стопам отца.

– А если у него два отца?

Исмаил пожал плечами, вопрос был исчерпан. Ахмед поднял закрытый чемодан.

– Можешь сохранить это для меня?

– Могу. – Исмаил взял чемодан. – И кто же выигрывает в войне?

– Народ моей матери. Они похожи на бедуинов – такие же гордые, жестокие и сильные. Они будут править миром.

Исмаил улыбнулся:

– Ахмед, помнишь, ты верил, что в пустыне водятся львы?

Ахмед вспомнил: в школе он слышал, что когда-то в пустынях жили львы и что, возможно, некоторые из них все еще живут где-нибудь в горах, питаются антилопами, лисами и дикими баранами. Исмаил отказывался в это верить. Когда-то этот спор казался им чрезвычайно принципиальным, они ругались до хрипоты. Ахмед ухмыльнулся:

– А я до сих пор верю, что в пустынях водятся львы.

Братья посмотрели друг на друга. С момента их последней встречи прошло пять лет. Мир изменился. Ахмед подумал о том, что бы он мог рассказать об этих годах: критический момент – важнейшая встреча в Бейруте в 1938 году; поездка в Берлин; его удача в Стамбуле... Все это ничего не значит для его брата, и, возможно, Исмаил понимает, что события его собственной жизни – жизни кочевника – так же мало важны для Ахмеда. Совершив совместное паломничество в Мекку, братья привязались друг к другу, но у них никогда не было общих тем для разговора.

Исмаил унес чемодан в свою палатку. Ахмед открыл другой, достал кусочек мыла, расческу, зеркальце и бритву, налил немного воды в чашку. Он приспособил зеркальце на песке и стал разматывать тряпки, закрывающие полголовы.

Вид собственного лица в зеркале потряс его.

Волевой, обычно совершенно чистый лоб был покрыт болячками. От уголков глаз, подернутых дымкой боли, разбегались морщины. Спутанная, ни разу не чесанная черная борода покрывала щеки вплоть до красиво очерченных скул, а кожа на крупном загнутом носу покраснела и вся растрескалась. Он разомкнул покрытые волдырями губы и обнаружил, что его красивые ровные зубы потемнели.

Он намылил подбородок и принялся за бритье.

Прежнее лицо постепенно возвращалось. Оно было скорее сильным, чем красивым, в линии губ угадывалась присущая их хозяину порочность. Сейчас это лицо не выражало ничего, кроме крайнего опустошения. Он захватил с собой маленький пузырек с душистым лосьоном и пронес его через сотни миль по пустыне, но теперь не рискнул воспользоваться этим средством, опасаясь, что жжение будет невыносимым. Он отдал пузырек девочке, наблюдавшей за его бритьем, и она тут же убежала, восхищенная неожиданным подарком.

Ахмед отнес сумку в палатку к Исмаилу, выгнал оттуда женщин и сменил облачение пустычника на белую английскую рубашку, полосатый галстук, серые носки и коричневый костюм. Взявшись за обувь, он обнаружил, что ноги распухли: пытаться зачихнуть их в узкие, неразношенные ботинки было бы чересчур жестоким испытанием. Однако носить европейский костюм с самодельными резиновыми сандалиями тоже не годилось. В конце концов он сделал надрезы на ботинках своим загнутым ножом, и они стали гораздо более свободными.

Ему многого не хватало: хотелось принять горячую ванну, подстричься, нанести охлаждающий крем на раны и болячки, надеть шелковую рубашку, золотой браслет, открыть холодную бутылку шампанского. Хотелось, чтобы рядом оказалась нежная женщина с теплым и податливым телом. Всего этого нужно было долго, терпеливо ждать.

Когда Ахмед вышел из палатки, бедуины посмотрели на него как на незнакомца. Он взял шляпу и два оставшихся чемодана – один тяжелый, один легкий. Исмаил принес ему бурдюк с водой. Двоюродные братья обнялись. Ахмед достал бумажник из кармана пиджака, чтобы проверить документы. Глядя на удостоверение личности, он неожиданно осознал, что теперь он снова превратился

в Александра Вульфа, которому тридцать четыре года, который проживает на вилле «Оливы» в Гарден-сити, в Каире, по роду занятий – бизнесмен, является представителем европейской расы.

Он надел шляпу, взял чемоданы и вышел в рассветную прохладу, чтобы преодолеть последние несколько миль пустыни, отделяющие его от города.

Великая древняя дорога караванов, по которой Вульф передвигался из оазиса в оазис по обширной безлюдной пустыне, вела через горный перевал, а затем сливалась с обычным современным шоссе. Дорога была похожа на разделительную полосу, проведенную по карте Богом: с одной стороны от нее тянулись желтые, пыльные, бесплодные холмы, а с другой – расстилались буйные поля хлопка, прорезанные ирригационными каналами. Работающие в полях крестьяне носили галабеи – простые рубахи из полосатого хлопка – вместо обременительных защитных одежд бедуинов. Продвигаясь по дороге на север, вдыхая прохладный и влажный бриз с близлежащего Нила, глядя на попадающиеся все чаще знаки цивилизации, Вульф снова чувствовал себя человеком. Люди на полях встречались все реже и реже – рассыпанные по необозримым просторам. Наконец он услышал звук приближающейся машины и понял, что все опасности остались позади.

Автомобиль ехал из Асьюта. Как только он оказался в поле видимости, Вульф узнал военный джип. Машина приближалась, и он различал в ней людей в британской военной форме. Стоит избежать одной опасности, тебя тут же настигнет другая.

Ахмед призвал себя к хладнокровию. «У меня есть все права находиться здесь, – подумал он. – Я родился в Александрии. По национальности я египтянин. У меня есть дом в Каире, мои документы в порядке. Я состоятельный человек... К тому же я европейский, а именно – немецкий, шпион на территории врага...»

Джип с визгом затормозил, подняв тучу пыли. Один из мужчин выпрыгнул наружу. Три звездочки на погонах указывали, что он состоит в звании капитана. При этом выглядел офицер чрезвычайно молодо и слегка прихрамывал.

– Как, черт возьми, вы сюда попали?

Вульф поставил на землю свои чемоданы и неопределенно махнул рукой:

– Моя машина сломалась в пустыне.

Капитан кивнул, моментально соглашаясь принять подобное объяснение: ему бы никогда и в голову не пришло, что европейец может прийти пешком из Ливии. Да и никому бы не пришло. Он изъявил желание взглянуть на документы.

Вульф протянул ему бумаги. Капитан изучил их, потом поднял глаза. В голове Вульфа лихорадочно заметались мысли: «Наверное, произошла утечка информации из Берлина, и теперь любой военный в Египте разыскивает меня; или они изменили документы, с тех пор как я был здесь последний раз, и теперь мои просрочены, или...»

– Вы неважно выглядите, мистер Вульф, – сказал капитан. – Давно вы идете пешком?

Вульф понял, что его изможденный вид может сыграть ему на руку.

– Со вчерашнего вечера, – признался он с усталостью в голосе, которую не пришлось даже разыгрывать. – Я заблудился.

– Вы провели здесь всю ночь? – Капитан пристально взгляделся в лицо Вульфа. – Да уж, похоже, так и есть. Давайте мы вас подвезем. – Он повернулся в сторону джипа. – Капрал, возьмите у джентльмена чемоданы.

Владелец багажа уже открыл было рот, чтобы отказаться, но вовремя одернул себя. Человек, который шел пешком всю ночь, должен быть несказанно счастлив тому, что кто-то возьмет у него чемоданы. Любые протесты опровергнут выдуманную им историю и вызовут лишние подозрения. Пока капрал закидывал чемоданы на заднее сиденье джипа, Вульф с замиранием сердца думал о том, что даже не позаботился их запереть. «Как я мог быть таким идиотом?» – мысленно сокрушался он, прекрасно осознавая причину подобной опрометчивости. Дело в том, что он все еще жил по законам пустыни, где радуешься возможности увидеть людей хотя бы раз в неделю и где не слишком расстраиваешься, если у тебя пытаются украсть радиоприемник, потому что его все равно некуда включать. Розетки-то нет... Его чувства были обострены по отношению к другому миру: он слишком долго наблюдал за движением солнца, принохивался к воздуху, надеясь различить запах воды, подсчитывал, сколько он уже прошел, разглядывал горизонт в поисках хотя бы одного дерева, в тени которого можно было бы отдохнуть в середине жаркого дня. Теперь

ему нужно забыть о пустыне и думать о полицейских, о документах, о том, что ложь должна быть убедительной, а чемоданы – закрытыми.

Он пообещал себе впредь быть более осторожным и сел в джип.

Капитан устроился на переднем сиденье и сказал водителю:

– Назад, в город.

Вульф решил доиграть роль до конца, – как только джип выехал на пыльную дорогу, он спросил:

– У вас не найдется глотка воды?

– Ну конечно.

Капитан перегнулся через сиденье и вытащил оловянную бутылку, завернутую в войлок, похожую на большую оплетенную фляжку с виски. Открутил крышку и протянул драгоценный сосуд Вульфу.

Вульф пил огромными глотками и опустошил бутылку по меньшей мере на пинту.

– Спасибо.

– Небось здорово пить хотелось? Неудивительно... Да, кстати, меня зовут капитан Ньюман.

Пожимая протянутую руку, Вульф внимательнее присмотрелся к собеседнику. Тот действительно был молод – наверное, чуть за двадцать: свежее лицо, мальчишеская челка и открытая улыбка. Но в его манере держаться чувствовалась та ранняя зрелость, которая приходит к человеку на войне.

– Вы бывали в бою? – поинтересовался Вульф.

– Не без того. – Капитан Ньюман дотронулся до своего колена. – Я получил ранение в ногу, поэтому меня отправили в этот захудалый городишко. – Он усмехнулся. – Не то чтобы я рвусь обратно в пустыню, но хотелось бы заниматься чем-нибудь более стоящим, чем приглядывать за магазинчиком в сотне миль от военных действий. Единственные бои, которые мы видим, – это стычки между христианами и мусульманами в городе. А откуда у вас такой акцент?

Неожиданный вопрос, не связанный с тем, о чем говорилось ранее, поставил Вульфа в тупик. Впрочем, ведь такого поворота событий следовало ожидать, тут же напомнил он себе: капитан Ньюман производит впечатление смышленного молодого человека. К счастью, у Вульфа имелись готовые ответы на подобные вопросы.

– Мои родители были бурами. Они переселились из Южной Африки в Египет. В детстве я говорил на двух языках – африканском и

арабском. – Он колебался, продолжать ли рассказ, боясь выказать чрезмерную готовность объясняться. – Фамилия Вульф – голландская. Меня окрестили Алексом в честь города, в котором я родился.

Казалось, Ньюман проявляет интерес исключительно из вежливости.

– Что привело вас сюда?

К этому Вульф был готов.

– У меня есть кое-какие дела в Верхнем Египте. Бизнес. – Он улыбнулся. – Мне нравится наносить неожиданные визиты партнерам...

Между тем они въехали в Асьют. По египетским меркам это был большой город со всеми необходимыми атрибутами: фабрики, больницы, мусульманский университет, знаменитый монастырь; население насчитывало около шестидесяти тысяч жителей. Вульф собирался попросить, чтобы его высадили возле железнодорожной станции, но Ньюман спас его от ошибки.

– Вам нужно в автомобильную мастерскую. Мы отвезем вас к Насифу: он сможет отбуксировать вашу машину.

Вульф выдавил «спасибо», во рту у него пересохло: он до сих пор плохо соображал. «Как бы привести себя в чувство? – размышлял он. – Во всем виновата проклятая пустыня – я совсем расклеился». Он взглянул на часы: времени для того, чтобы выпутаться из истории с мастерской и попасть на дневной поезд в Каир, достаточно. План действий таков: сначала нужно будет войти в мастерскую, потому что Ньюман наверняка решит понаблюдать за ним. Когда военные уедут, придется для виду расспросить кого-нибудь о запчастях или о чем-нибудь в этом роде, а потом уже можно отправляться на станцию.

Если повезет, Насиф и Ньюман никогда не сравнят те впечатления, которые останутся у них от Алекса Вульфа.

Джип ехал по шумным узким улицам. Знакомые виды египетского города нравились Вульфу: нарядные хлопковые одежды, женщины, несущие свертки на головах, солидные полицейские – суровые блюстители порядка в темных очках, крошечные магазинчики, рассыпанные по изборожденным колеями улицам, ларьки, побитые машины и перегруженные ослы. Джип остановился у ряда низких строений из грязного кирпича. Дорога была наполовину перегороджена старым грузовиком и остатками безжалостно расчлененного «фиата».

Какой-то мальчуган гаечным ключом что-то отвинчивал в цилиндрическом блоке, сидя прямо на земле у входа.

– Боюсь, мне придется покинуть вас здесь, – сказал Ньюман, – служба есть служба.

Вульф пожал ему руку.

– Я вам очень признателен.

– Но мне не хочется бросать вас вот так, – продолжил Ньюман. – Вам пришлось нелегко. – Он нахмурился, затем его лицо просветлело. – Знаете, оставлю я с вами капрала Кокса.

– Это очень мило с вашей стороны, но...

Ньюман его не слушал.

– Возьми чемоданы этого господина, Кокс, и смотри во все глаза. Я хочу, чтобы ты позаботился о нем... и не вздумай подпускать к нему ниггеров, понял?

– Да, сэр.

Вульф мысленно застонал. На то, чтобы отделаться от капрала, уйдет время. Доброта капитана Ньюмана становилась обременительной... но, может быть, Кокс оставлен не случайно?

Вульф и капрал вышли из машины, и джип укатил прочь. Вульф вошел в магазин запчастей, Кокс последовал за ним вместе с чемоданами.

Насиф оказался улыбчивым молодым человеком в засаленной галабее. Он возился над аккумулятором при свете керосиновой лампы.

– Вы, наверное, хотите взять напрокат красивую машинку? У моего брата есть «бентли»... – тут же затараторил он по-английски.

Вульф прервал его, заговорив на арабском:

– У меня сломалась машина. Мне сказали, ты можешь отбуксировать ее.

– Без проблем. Можем съездить за ней прямо сейчас. Где она?

– На пустынной дороге. В сорока или пятидесяти милях отсюда. Это «форд». Но мы с тобой не поедem. – Он достал бумажник и дал Насифу банкноту в один английский фунт. – Ты найдешь меня в отеле «Гранд» возле железнодорожной станции, когда вернешься.

Насиф с живостью взял деньги.

– Договорились! Я сейчас же отправлюсь за ней.

Вульф кивнул и пошел к выходу. Преследуемый Коксом, он обдумывал возможные последствия разговора с Насифом. Механик

отправится в пустыню и будет искать автомобиль. Не найдя его, придет в отель, чтобы рассказать о своей неудаче, и обнаружит, что Вульф уже уехал. Тогда Насиф рассудит, что за потерянный впустую день заплатили достаточно, но это не мешает ему растрезвонить направо и налево о таинственно исчезнувшем «форде» и не менее таинственно испарившемся хозяине автомобиля. Вероятность того, что рано или поздно капитан Ньюман об этом узнает, велика. Может быть, он и не придумает сразу, что делать с такими сведениями, однако сокрытая в истории человека из пустыни загадка, безусловно, покажется ему достойной расследования.

Настроение Вульфа портилось по мере того, как рушились его планы по незаметному проникновению в Египет. Тем не менее необходимо максимально использовать ситуацию. Он снова посмотрел на часы – шансы успеть на поезд еще оставались. Отделаться от Кокса в холле гостиницы не составит труда, затем надо перехватить что-нибудь из еды и питья в ожидании поезда, но действовать следует быстро.

Навязанный Ньюманом провожатый был низкорослым темноволосым мужчиной с провинциальным английским акцентом, который Вульф никак не мог идентифицировать. Судя по тому, что Кокс, по-видимому ровесник Вульфа, прозябал в капралах, блестящими способностями он не отличался. Следуя за охраняемой персоной через площадь Мидан-эль-Махата, Кокс спросил:

– Вы хорошо знаете город, сэръ?

– Я бывал здесь раньше, – коротко отрезал Вульф.

Они вошли в отель «Гранд». В нем насчитывалось двадцать шесть номеров, и это был крупнейший отель в городе – из двух в нем имеющих.

Вульф повернулся к Коксу:

– Спасибо, капрал, думаю, вы можете смело возвращаться к вашей службе.

– Я не спешу, сэръ, – радостно откликнулся капрал. – Я отнесу ваши чемоданы в номер.

– Наверняка на этот случай есть носильщики...

– Я бы на вашем месте им не доверял, сэръ.

Ситуация все больше становилась похожа на ночной кошмар или фарс, в котором люди с самыми добрыми намерениями заставляют

героя вести себя все более бессмысленно в расплату за одну только маленькую ложь. Вульф снова спросил себя, а не подстроено ли это, и его мозг пронзила абсурдная мысль, что противнику все известно и происходящее – лишь злая насмешка над ним, Ахмедом-Алексом.

Он отмахнулся от этой мысли и обратился к Коксу со всем изяществом, на которое только был способен:

– Поверьте, я вам страшно благодарен.

Затем подошел к стойке и попросил комнату. Взглянул на часы – оставалось пятнадцать минут. Он быстро заполнил анкету, написав выдуманный адрес в Каире, – Ньюман мог не запомнить настоящий адрес, указанный в документах, а оставлять капитану напоминание было совершенно лишним.

Чернокожий коридорный отвел их в номер. Вульф, стоя у двери, выдал нубийцу чаевые, Кокс положил чемоданы на кровать.

Вульф вынул бумажник: может быть, Кокс тоже рассчитывает на чаевые?..

– Ну что же, капрал, – начал он, – вы были столь любезны...

– Давайте я помогу вам распаковать вещи, сэр, – предложил Кокс. – Капитан велел ничего не доверять ниггерам.

– Спасибо, не надо, – твердо сказал Вульф. – Я хочу прилечь отдохнуть прямо сейчас.

– Вы можете прилечь, – благородно настаивал капрал. – Это не займет много...

– Не открывайте!

Кокс взялся за крышку чемодана. Вульф скользнул рукой за отворот пиджака, мысленно восклицая: «Черт бы его побрал! Ну все, я погиб! Я должен был запереть чемодан! Как бы мне прикончить его потише?» Коротышка капрал уставился на аккуратные пачки фунтов стерлингов, которыми был доверху забит один из чемоданов.

– О господи! Да вы при деньгах... – выдавил он.

Уже сделав шаг в сторону капрала, Вульф понял, что тот никогда в жизни не видел столько денег.

Кокс поворачивался к нему со словами:

– Что вы собираетесь делать со всеми этими...

Немецкий шпион выхватил загнутый бедуинский нож, однако рука его дрогнула. Ахмед встретился взглядом с капралом. Кокс отшатнулся, готовый закричать, но тут острый как бритва клинок

глубоко вошел ему в горло. Крик потонул в бульканье крови, капрал умер. Вульф теперь уже не чувствовал ничего, кроме раздражения.

Май. С юга дует хамсин – сухой, знойный ветер.

Стоя под душем, Уильям Вандам предавался печальным размышлениям о том, что единственный момент за весь день, когда он может почувствовать себя свежим, подходит к концу. Он завернул кран и быстро растерся полотенцем. Все тело ныло. Дело в том, что вчера он первый раз за долгое время играл в крикет. Начальник разведотдела генштаба собрал команду, чтобы сыграть с врачами из полевого госпиталя – «шпионы против шарлатанов», так называли матч сами участники, – и Вандам позволил втянуть себя в эту авантюру, увидев, как медики громят разведчиков в парке. Теперь ему приходилось признать, что он находится не в лучшей форме. Джин истощил его силы, сигареты испортили легкие, к тому же посторонние мысли мешали сосредоточиться на игре.

Он закурил, откашлялся и принялся за бритье. Вандам всегда курил, когда брился, прекрасно сознавая, что других способов разнообразить это скучнейшее занятие еще не придумали. Пятнадцать лет назад он поклялся, что отрастит бороду, как только покинет армию, но покинуть ее оказалось не так уж легко.

Уильям облачился в обычную форму: тяжелые сандалии, носки, защитного цвета рубашка и шорты цвета хаки со специальными отворотами, которые при желании можно было крепить в районе колен для защиты от москитов. Никто никогда этими приспособлениями не пользовался, а младшие офицеры их даже отрезали – уж больно смешно это выглядело. На полу возле кровати стояла пустая бутылка из-под джина. Вандам посмотрел на нее, чувствуя острое отвращение к собственной персоне: много ли времени потребовалось, чтобы так опуститься – теперь он не может заснуть без бутылки... Он подобрал ее, закрутил крышку, выкинул в мусорную корзину и отправился вниз.

На кухне Джафар готовил чай. Слуга Вандама – пожилой лысый копт с шаркающей походкой – изо всех сил старался походить на настоящего английского дворецкого. И хотя до истинной английской

чопорности и благородства ему было далеко, он обладал некоторым чувством собственного достоинства и отличался безукоризненной честностью, а подобные качества среди слуг-египтян – большая редкость.

– Билли проснулся? – спросил Вандам.

– Да, сэр, вот-вот спустится.

Вандам кивнул. В маленькой кастрюльке на плите кипела вода. Вандам опустил туда яйцо и включил таймер. Он отрезал два кусочка от английской булки, сделал тост, намазал его маслом, достал из кастрюльки яйцо и очистил верхушку.

На кухню вошел Билли.

– Доброе утро, пап.

– Доброе утро. Завтрак готов. – Вандам улыбнулся сыну.

Мальчик принялся за еду. Вандам сидел напротив с чашкой чая и наблюдал за ним. Билли десять лет, в последнее время он неважно выглядит по утрам, хотя когда-то он так и светился здоровьем вне зависимости от времени суток. Может быть, плохо спит? Или у него меняется обмен веществ и теперь он во всем становится похож на взрослых, даже в этом? Нет, скорее всего, причина кроется в детективах – он читает их под одеялом с фонариком и поздно засыпает.

Знакомые в один голос уверяли, что Билли похож на отца, но Вандам не видел большого сходства. Гораздо чаще он замечал в сыне черты, доставшиеся мальчику от матери: серые глаза, нежная кожа и высокомерное выражение, появляющееся на лице малыша каждый раз, когда ему кто-то перечит.

Вандам привык готовить сыну завтрак. Слуга вполне в состоянии приглядывать за мальчиком, большую часть дня он прекрасно справляется с этой обязанностью, но скромный утренний ритуал Вандам берег для себя. Частенько получалось, что только по утрам он и мог побыть с сыном. Они разговаривали мало – Билли жевал, Вандам курил, но какое это имело значение? Важно, что каждый день они начинали вдвоем.

После завтрака Билли чистил зубы, пока Джафар выводил из гаража отцовский мотоцикл. Билли возвращался в школьном кепи, Вандам надевал фуражку. Они отдавали друг другу честь, а Билли добавлял:

– Так точно, сэр, мы выиграем эту войну.

И они расставались на целый день.

Офис майора Вандама находился в Грей-Пилларс, в одном из сгруппированных зданий, обнесенных колючей проволокой, которые принадлежали Генеральному штабу союзных войск на Ближнем Востоке. По прибытии в офис Вандам обнаружил на своем столе донесение о каком-то происшествии. Он сел, закурил сигарету и начал читать.

Доклад пришел из Асьюта, городка в трехстах милях к югу, и поначалу Вандам никак не мог понять, почему его направили в разведывательный отдел. Патруль подобрал на дороге европейца, который впоследствии зарезал капрала. Тело было обнаружено прошлой ночью, сразу после того, как заметили исчезновение военного. Медики констатировали, что смерть наступила несколько часов назад. Человек, похожий на обнаруженного близ пустыни мужчину, купил билет до Каира. Так что на момент обнаружения тела поезд прибыл в столицу и преступник растворился в городе.

Мотивы преступления не ясны.

Египетскую и британскую военную полицию в Асьюте уже проинформировали, вести до Каира доходят быстро. Но зачем же втягивать в это разведку?

Вандам нахмурился и прокрутил всю историю в мозгу еще раз. В пустыне подбирают европейца. Он говорит, что его машина сломалась. Прибывает в отель. Через несколько минут европейец уходит из отеля и садится в поезд. Его автомобиль так и не найден. Зато найдено тело капрала. Ночью. В номере отеля.

Что все это значит?

Вандам взял телефон и позвонил в Асьют. Дежурный на коммутаторе долго разыскивал капитана Ньюмана, и наконец тот подошел к телефону.

– Ваш убийца похож на шпиона, – без предисловий начал Вандам.

– Я тоже так подумал, сэр, – сказал Ньюман – по голосу человек еще очень молодой. – Поэтому и направил доклад в разведку.

– Правильно сделали. Скажите, какое он на вас произвел впечатление?

– Здоровый такой парень...

– У меня есть описание: шесть футов рост, около двенадцати стоунов вес, темные и волосы, и глаза – это мне ни о чем не говорит. Я

хочу знать, как он выглядит?

– Понимаю, – ответил Ньюман. – Честно говоря, у меня поначалу не возникло никаких подозрений. У него был не очень здоровый вид, что соответствовало байке про сломанную машину. Кроме того, он производил впечатление обычного горожанина: белый мужчина, прилично одет, хорошо говорит по-английски, легкий акцент он назвал голландским, хотя, может, это африканский. Документы были в порядке, я до сих пор уверен, что они настоящие.

– Но?..

– Он сказал мне, что приехал ради каких-то деловых встреч в Верхнем Египте.

– Вполне правдоподобно.

– Да, только он не похож на человека, который стал бы возиться с магазинчиками, фабриками и хлопковыми фермами. Знаете, есть такой тип прирожденных космополитов: если бы у него водились деньги, он предпочел бы сыграть на лондонской бирже или положил бы их в швейцарский банк. Он не стал бы размениваться на мелочи... Это может звучать странно, сэр, но вы же понимаете, что я имею в виду?

– Пожалуй, – согласился Вандам. А у Ньюмана есть голова на плечах. И зачем он только торчит в каком-то захудалом городишке?

Тем временем капитан продолжал:

– А потом я вдруг подумал: вот человек появляется посреди пустыни, а я даже толком не знаю, откуда он приехал... Поэтому я и велел бедняге Коксу присмотреть за ним, чтобы не скрылся, пока мы проверяем его рассказ. Я, конечно, должен был его арестовать, но, честно говоря, сэр, на тот момент у меня были только смутные подозрения...

– Вряд ли вас можно в чем-нибудь обвинить, капитан, – сказал Вандам. – Хорошо, что вы запомнили имя и адрес, указанные в документах. Алекс Вульф, вилла «Оливы», Гарден-сити, так?

– Да, сэр.

– Ладно, держите меня в курсе того, что у вас происходит, хорошо?

– Есть, сэр.

Вандам повесил трубку. Подозрения Ньюмана перекликались с его собственными предположениями по поводу загадочного убийства.

Он решил рассказать об этом своему непосредственному начальству и покинул офис с донесением в руках.

У начальника военной разведки генерального штаба было два заместителя: по оперативной работе и по разведывательным операциям. Заместители состояли в звании полковников. Шеф Вандама, подполковник Бодж, в свою очередь, находился под начальством заместителя по разведывательным операциям. Бодж был ответственным за хранение информации и большую часть времени занимался цензорами. В задачи Вандама входило предотвращение утечки информации. Он и его люди имели несколько сотен агентов в Каире и Александрии; официанты в большинстве клубов и баров получали от него взятки; информаторы водились и среди прислуги наиболее видных арабских политических деятелей. Например, камердинер короля Фарука работал на Вандама, равно как и самый богатый из каирских воров. Разведку интересовал тот, кто слишком много говорил, и тот, кто слишком внимательно слушал; среди последних главной целью являлись арабские националисты. Вполне возможно, что и загадочный человек из Асьюта представляет большой интерес для разведывательного отдела.

Карьера Вандама во время войны ознаменовалась одним блестящим успехом и одним ужасным провалом. Провал случился в Турции. Рашид Али укрылся там, бежав из Ирака. Немцы хотели разыскать его и использовать в своих целях, в частности для пропаганды нацизма; Британия, наоборот, не была заинтересована в излишнем внимании к его персоне; а турки, озабоченные собственным нейтралитетом в войне, меньше всего хотели обидеть одну из сторон. Вандаму поручили следить за тем, чтобы Али оставался в Стамбуле, но Али поменялся одеждами с немецким шпионом и ускользнул из страны под самым носом Вандама. Несколько дней спустя он уже делал громкие заявления на нацистском радио, обращая ко всему Ближнему Востоку. Вандаму удалось реабилитироваться только в Каире. Из Лондона ему сообщили, что в столице Египта замечена утечка важной информации, и через три месяца кропотливой слежки Вандам обнаружил, что влиятельный американский дипломат передает сообщения в Вашингтон, пользуясь ненадежным шифром. Код был изменен, утечка информации остановлена, а Вандам представлен к повышению.

Будь он человеком гражданским или хотя бы военным в мирное время, он бы гордился этой удачей и примирился бы с прошлым поражением, сказав себе: «Где-то находишь, где-то теряешь». Но в военное время ошибка офицера стоит жизни многим людям. В результате просчета в деле Рашида Али была убита женщина-агент, и Вандам не мог себе этого простить.

Он постучал в дверь офиса подполковника Боджа и вошел. Реджи Бодж – низкорослый, коренастый человек пятидесяти с лишним лет, черноволосый, в безукоризненно чистой форме – был крайне неприятной особой. У него имелся свой коронный прием: когда он не знал, что сказать, он громогласно кашлял, прочищая горло. А случалось это с ним, надо заметить, довольно часто. Он сидел за огромным столом с закругленными углами. Уж конечно, стол этот был побольше стола самого начальника разведывательного управления. Всегда готовый болтать, а не работать, он с радостью пригласил Вандама сесть, а сам взял красный мячик для игры в крикет и стал перекидывать его из руки в руку.

– Вы вчера отлично играли, – сказал он.

– Вы тоже неплохо смотрелись, – ответил Вандам и даже не покривил душой: Бодж был единственным приличным игроком в команде разведки. – Как обстоят дела в нашей другой игре?

– Боюсь, тут новости чертовски скверные. – Утреннее совещание еще не состоялось, но Бодж умудрялся узнавать такие вещи раньше всех. – Мы ожидали, что Роммель атакует оборонительную линию при Эль-Газале в лоб. Нужно было думать головой – этот парень никогда не атакует прямо и примитивно... Он зашел с южного фланга, захватил штаб седьмой дивизии и взял в плен генерала Мессерви.

Все это звучало удручающе привычно. Вандам вдруг понял, насколько он от всего этого устал.

– Ну и бойня! – пробормотал он.

– Слава богу, ему не удалось прорваться к берегу, так что наши дивизии на газальской линии не были изолированы. И все же...

– И все же когда мы наконец его остановим?

– Ему не удастся продвинуться далеко. – Ничего более бессмысленного Бодж не мог сказать, но ему, видимо, не хотелось критиковать начальство. – Что у вас там?

Вандам передал донесение.

– Я хочу заняться этим лично.

Бодж с бесстрастным лицом просмотрел бумаги.

– Не вижу смысла.

– Похоже, это проколовшийся агент...

– Вы полагаете?

– Неясен мотив убийства, тут есть над чем подумать, – настаивал Вандам. – Существует только одно объяснение: подобранный на дороге человек не является тем, за кого себя выдает, капрал это обнаружил, за что и был убит.

– Тем, за кого себя выдает... Что же он, по-вашему, шпион? – Бодж расхохотался. – Ну и как же он тогда добрался до Асьюта? Спустился на парашюте? Или пришел пешком?

В этом состояла вся трудность общения с Боджем: он высмеивал каждое предположение только потому, что не додумался до этого сам.

– Нет ничего невозможного в том, чтобы пробраться через границу на маленьком самолете. В том, чтобы пересечь пустыню, кстати, тоже.

Бодж швырнул донесение на широкие просторы своего стола, но оно спланировало на пол.

– На мой взгляд, это полная ерунда, – констатировал он. – Не тратьте времени понапрасну.

– Хорошо, сэр. – Вандам подобрал доклад с пола, стараясь не выдать своего раздражения. Разговоры с Боджем всегда превращались в перепалку, лучший выход – ему не перечить. – Я попрошу полицию держать нас в курсе – пусть пишут докладные записки и прочее. Для документации.

– Ладно. – Бодж никогда не возражал против того, чтобы ему присылали документацию, – это позволяло иметь какое-то отношение к делу, не возлагая на себя никакой ответственности. – Слушайте, как вы посмотрите на организацию тренировок по крикету? Я хочу привести нашу команду в форму и сыграть еще пару матчей.

– Отличная идея.

– Посмотрите, может, устройте это дело, а?

– Хорошо, сэр. – Вандам вышел.

По пути в свой офис он думал о том, что же творится в британской армии, если там дают звание подполковника такому пустоголовому человеку, как Реджи Бодж. Отец Вандама, полковник на

Первой мировой войне, частенько говаривал, что английские солдаты – это «львы, которыми руководят ослы». Иногда Вандам мысленно с этим соглашался. Впрочем, Боджа нельзя было назвать тупым. Ему случалось принимать неверные решения – иногда он ошибался, но большую часть времени Вандаму казалось, что Бодж действует неправильно по каким-то тайным соображениям: то ли стараясь выглядеть лучше, то ли доказывая кому-то собственное превосходство, а может быть, существовали причины и вовсе недоступные пониманию Вандама.

Какая-то женщина в больничной одежде поприветствовала его, и он, не задумываясь, ответил.

– Майор Вандам, не так ли? – спросила женщина.

Он остановился и посмотрел на нее. Она присутствовала на матче в качестве зрителя, и теперь ее имя всплыло в памяти.

– Доктор Абутнот, доброе утро.

Он припомнил, что эта высокая женщина, приблизительно его возраста, была хирургом и состояла в чине капитана.

– Вы вчера хорошо потрудились, – сказала она.

Вандам улыбнулся:

– А сегодня расплачиваюсь... Хотя игра мне понравилась.

– Мне тоже. – У нее были низкий голос и четкая артикуляция. Чувствовалось, что она в себе уверена. – Увидим ли мы вас в пятницу?

– Где?

– На приеме в союзе.

– Ах да. – Англо-египетский союз, клуб для заскучавших в Африке европейцев, делал иногда попытки оправдать свое имя, устраивая приемы. – Я постараюсь. В котором часу?

– В пять.

Здесь у Вандама был вполне профессиональный интерес: это тот случай, когда посторонние египтяне могут поболтать с разными сотрудниками, а болтовня сотрудников иногда включает в себя информацию, которой не прочь завладеть неприятель.

– Я приду, – пообещал он.

– Замечательно, там и увидимся. – Доктор Абутнот повернулась, чтобы уйти.

– Буду ждать с нетерпением, – пробормотал Вандам. Глядя женщине вслед, майор подумал: интересно, что на ней надето под

больничным халатом? Элегантная, опрятная, сдержанная, она чем-то напоминала его жену.

Майор вернулся в кабинет. У него не было ни малейшего желания ни организовывать тренировки по крикету, ни откладывать в сторону дело об убийстве в Асьюте. Бодж мог отправляться ко всем чертям, Вандам же отправится работать.

Для начала он еще раз связался с капитаном Ньюманом и велел ему удостовериться в том, что описание примет Вульфа получило самое широкое распространение в полиции.

Затем майор позвонил в управление египетской полиции и подтвердил им необходимость тщательно обыскать все гостиницы и ночлежки. Связавшись с полевой службой безопасности – подразделением, которое до войны занималось охраной Суэцкого канала, – он попросил увеличить объем проверок документов в следующие несколько дней. В британском генеральном казначействе был оставлен приказ особенно внимательно проверять текущий денежный поток на предмет подделок. Службе радиоперехвата Вандам посоветовал быть начеку и следить, не появится ли новый передатчик в пределах Каира, и тут же мельком подумал: почему бы ученым раз и навсегда не решить проблему обнаружения этих аппаратов? Нужно всего лишь придумать способ определять местонахождение передатчика по сообщениям, с него посылаемым.

Наконец, он проинструктировал одного из своих сержантов. От него требовалось посетить все радиомагазины в Нижнем Египте – их было немного – и попросить владельцев докладывать о покупках деталей, которые можно использовать для сооружения или починки передатчика.

Сделав все это, майор Вандам отправился на виллу «Оливы».

Дом носил такое название из-за маленького публичного парка, расположенного через дорогу, где сейчас цвели оливковые деревья, роняя белые лепестки в сухую пожелтевшую траву.

Здание виллы было обнесено высокой стеной с тяжелыми резными деревянными воротами. Используя орнамент как опору для ступней, Вандам залез на ворота и спрыгнул в просторный двор по другую сторону стены. Оглядевшись, он отметил, что выкрашенные в белое стены чем-то запачканы, дом выглядит неопрятно, окна пьют слепые глаза закрытых облупившихся ставен. Он вышел на середину

двора прямо к каменному фонтану. По углублению резервуара прошмыгнула ярко-зеленая ящерица.

В этом месте никто не жил. Как минимум год.

Вандам открыл ставню, разбил оконное стекло, дотянулся до щеколды и, перебравшись через подоконник, проник внутрь.

«Это не похоже на дом европейца», – думал он, проходя через темные холодные комнаты. Нет ни картин с изображением охоты на стенах, ни аккуратных рядов кричащих обложек книг Агаты Кристи или Денниса Уитли, ни мебельных гарнитуров от «Маплз» и «Хэрродс». Зато дом заполнен огромными диванами и низкими столами, устлан коврами ручной работы, увешан гобеленами.

На втором этаже майор обнаружил запертую дверь. Несколько минут ушло на то, чтобы сломать замок. За ней скрывался рабочий кабинет.

Вандам вошел в чистую, богато обставленную комнату: широкий, приземистый диван, обтянутый дорогой тканью, расписанный вручную кофейный столик, три сочетающиеся друг с другом античные лампы, ковер из шкуры медведя, красиво инкрустированный стол и кожаное кресло.

На столе – телефон и неначатая записная книжка, ручка из слоновой кости и пустая чернильница. В ящике стола Вандам нашел отчеты компаний из Швейцарии, Германии и Соединенных Штатов Америки. Изящный кофейный набор из кованой меди пылился на маленьком столике. На полке стояли книги на разных языках: французские романы девятнадцатого века, краткий Оксфордский словарь, томик арабской (по крайней мере, так показалось Вандаму) поэзии с эротическими иллюстрациями и Библия на немецком языке.

Никаких личных документов.

Никаких писем.

Ни единой фотографии на весь дом.

Вандам уселся в кожаное кресло перед столом и окинул взглядом комнату. Кабинет принадлежал мужчине, это было пристанище умствующего космополита, человека, который, с одной стороны, был аккуратным, собранным и опрятным, а с другой – чувствительным и чувственным.

Вандам был заинтригован.

Европейское имя и абсолютно арабский дом. Брошюрка об инвестициях и томик восточной поэзии. Старинный кофейник и современный телефон. Большой объем информации о человеке и ни единого ключа, чтобы этого человека найти.

Комната была не просто чистой – ее как будто специально вычищали. Должны же были сохраниться банковские извещения, счета от партнеров, свидетельство о рождении или завещание, письма от любовницы, фотографии родителей или детей. Хозяин дома собрал все это и увез с собой, не оставив и следа, словно подозревал, что его будут искать.

Вандам произнес вслух:

– Алекс Вульф, кто ты?

Он покинул кресло и вышел из кабинета. Снова прошел через весь дом, пересек жаркий пыльный двор, перелез через ворота и спрыгнул на землю. На другой стороне дороги в тени оливковых деревьев прямо на земле сидел араб в зеленой галабее и равнодушно наблюдал за действиями майора. Вандаму и в голову не пришло объяснить ему, что он проникал в чужой дом по официальному делу: форма британского офицера наделяла ее обладателя достаточным авторитетом, чтобы творить в городе что угодно. Он размышлял о возможном существовании других источников информации о владельце виллы: здесь есть, наверное, какие-нибудь городские архивы; местные торговцы могли наведываться сюда, когда в доме еще жили люди; соседи, конечно же, многое знают. Он отправит двух людей на поиски необходимых сведений, а для Боджа придумает какую-нибудь басню. Майор взгромоздился на мотоцикл и включил зажигание. Мотор с готовностью зарычал, и Вандам поехал прочь от виллы «Оливы».

Злость и чувство безысходности – Вульф сполна наслаждался этими ощущениями, сидя неподалеку от своего дома и наблюдая за отъезжающим британским офицером.

Память Алекса хранила образ виллы «Оливы» времен его далекого детства. Дом всегда был наполнен шумом голосов и смехом.

За огромными резными воротами сидел чернокожий охранник – южный гигант, совершенно неуязвимый для жары. Каждое утро во дворе дома старый и уже почти слепой священнослужитель читал главу из Корана. А в тени арки, развалившись на низких диванах, мужская половина семьи курила кальян и потягивала кофе, который разносили мальчишки. Другой чернокожий охранник стоял у входа в гарем, где скучали располневшие женщины. Длинные теплые дни медленно тянулись, состоятельная семья продолжала неуклонно богатеть, избалованные дети не знали другой жизни.

Британский офицер в шортах, на рычащем мотоцикле, с высокомерным видом и любопытными глазками, притаившимися в тени под фуражкой, вторгся в этот дом и растоптал детские воспоминания Вульфа. Жаль, что он не разглядел лица непрошеного гостя, в один прекрасный день он бы с удовольствием прикончил мерзавца.

Мысли о доме преследовали его на протяжении всего путешествия. В Берлине, в Триполи, в Эль-Аджеле, терпя боль и умирая от истощения в пустыне, совершая поспешное бегство из Асьюта – везде он утешался надеждой, что скоро окажется на вилле, которая представлялась истинным раем, безопасным местом, где можно отдохнуть, помыться и восстановить силы после изнурительного пути. С каким нетерпением он ожидал этого момента – когда в его распоряжении будут огромная ванна, чтобы нежиться в ней, настоящий кофе, чтобы лениво его потягивать, и просторная постель, чтобы приводить в нее женщин.

Теперь об этом можно забыть – дорога в дом ему заказана.

Алекс провел на улице все утро, то медленно прогуливаясь взад-вперед, то сидя под оливковыми деревьями, на тот случай, если капитан Ньюман все же запомнил адрес и послал кого-нибудь обыскать дом. Галабею он приобрел на рынке напротив, зная, что, если кто-нибудь и придет, искать будут европейца, а не араба.

Показывать настоящие документы было серьезной ошибкой – сейчас это стало очевидным. Но доверять выполненным в Германии подделкам чуть ли не опаснее. Встречаясь с другими агентами, Вульф наслушался всяких ужасов о том, сколь грубые, бросающиеся в глаза ошибки допускала немецкая разведка: небрежная печать, бумага плохого качества, орфографические ошибки в английских словах. В

разведшколе, куда его послали на курсы шифровки, ходили слухи, что каждый полицейский в Англии, увидев на продовольственной карточке определенный номер, способен вычислить в ее владельце немецкого шпиона.

Поэтому Вульф, взвесив варианты, выбрал тот, который показался наименее рискованным. Так или иначе, он совершил ошибку, и теперь ему совершенно некуда идти.

Он поднялся с земли, взял свои чемоданы и побрел по улице, думая о семье. Его мать и отчим умерли, трое сводных братьев и сводная сестра живут в Каире. Вряд ли они смогут его спрятать. Как только британцы выяснят имя владельца виллы, их тут же допросят. Это может произойти прямо сегодня; и даже если они решатся солгать ради спасения брата, их слуги не будут столь щепетильны. Кроме того, Вульф привык не слишком полагаться на семью. Когда умер отчим, Ахмед, как старший сын, получил дом и большую часть наследства, несмотря на то что он был европейцем и приемным, а не родным ребенком. В последовавших встречах с адвокатами новоявленный наследник отстоял свое право на имущество, и у родственников остался неприятный осадок от его поведения, а сводные братья сердились на Ахмеда до сих пор.

Если бы можно было остановиться хотя бы в отеле «Шепард»! Однако надеяться на то, что в полиции работают дураки, не следовало: все основные отели наверняка уже располагают описаниями внешности асьютского убийцы. Оставались только пансионы. Полиция, конечно, позаботится и о них, но все зависит от того, насколько тщательно будут проведены поиски. Поскольку в деле замешаны британцы, полиция, возможно, проявит чудеса дотошности. Тем не менее владельцы маленьких домиков для гостей, как правило, слишком заняты своими делами, чтобы уделять много внимания докучливому полицейским.

Вульф вышел из Гарден-сити и направился в южную часть города. С момента его последнего отъезда из Каира город стал еще более шумным. Теперь улицы пестрели еще и различного цвета и вида военной формой – не только британской, но и австралийской, новозеландской, польской, югославской, палестинской, индийской, греческой. Стройные и дерзкие египетские девицы в хлопковых платьях с тяжелыми украшениями успешно соперничали с

краснолицы, разомлевшими от жары европейскими дамами. Вульфу показалось, что теперь уже немногие женщины носят традиционную черную одежду и паранджу. Мужчины по-прежнему приветствовали друг друга в своеобразной манере: долго размахивали правой рукой, потом с громким хлопком пожимали друг другу руки и не разнимали их по меньшей мере минуту, а то и две, что-то втолковывая друг другу, при этом левую руку каждый держал на плече собеседника. Нищие и мелкие торговцы благоденствовали, извлекая выгоду из наплыва наивных европейцев. Вульф в своей галабее пользовался приятной неприкосновенностью, а вот бедных европейцев осаждали калеки, женщины с детьми, облепленными мухами, мальчишки, чистящие обувь, и торговцы, продающие все подряд – от бывших в употреблении бритвенных лезвий до гигантских чернильных ручек, рассчитанных, как они уверяли, на шесть месяцев использования без дозаправки.

Ситуация на дорогах значительно ухудшилась. Медлительные, кишасшие паразитами трамваи были еще более переполнены, чем обычно. Пассажиры с риском для жизни цеплялись к ним снаружи, хватались за любые выступы, не опасаясь падения, втискивались в кабину к водителю или сидели на крыше, скрестив ноги. С автобусами и такси дело обстояло не лучше: видимо, в городе не хватало запчастей – автомобили в большинстве своем не имели стекол, моторы повсеместно чихали, отсутствовали «дворники». Вульф увидел на улице две машины такси: старенький «моррис» и еще более старый «паккард», которые давно уже окончательно вышли из строя, и теперь их таскали ослы. Единственными приличными машинами были чудовищные американские лимузины, принадлежащие богатым пашам, а также случайно завезенные в Египет перед войной английские «остины». С автомобилями соперничали запряженные лошадьми или мулами повозки, крестьянские тележки и домашний скот – верблюды, овцы и козы. Нахождение домашнего скота в центре города было запрещено самым бесполезным законом в египетском законодательстве.

А шум! Вульф и забыл про этот шум.

Трамваи постоянно протяжно звенели. В пробках все машины беспрерывно сигналили, и даже когда этого не требовалось, они все равно сигналили – из принципа. Чтобы не оставаться в стороне, владельцы верблюдов и тележек что-то пронзительно выкрикивали. Из

кафе и магазинов доносилась арабская музыка – радиоприемники там были включены на полную мощность. Уличные торговцы зазывали покупателей, прохожие досадливо от них отмахивались. Лаяли собаки, над головой кричали коршуны. Время от времени все это заглушалось ревом проносащегося в небе самолета.

«Это мой город, – подумал Вульф, – пусть кто-нибудь попробует поймать меня здесь».

В городе насчитывалось около дюжины известных пансионатов для туристов всех национальностей: швейцарцев, австрийцев, немцев, датчан и французов. Эту возможность Алекс отметил как чересчур очевидную. Наконец он вспомнил о дешевых меблированных комнатах в Булаке, портовом районе. Монахини сдавали их морякам, приплывающим с Нила на паровых судах и фелюгах, груженных хлопком, углем, бумагой и строительным камнем. Вульф мог быть уверен, что здесь он не подхватит какую-нибудь заразу, его не ограбят и не убьют и никому и в голову не придет разыскивать его там.

По мере удаления от района, где находились отели, улицы становились уже и безлюднее. Реки отсюда видно не было, но иногда между столпившимися как попало зданиями мелькали высокие треугольные паруса фелюг.

Гостиница представляла собой большое разрушающееся здание, которое, вероятно, раньше принадлежало какому-нибудь паше. Теперь над аркой перед входом красовалось бронзовое распятие. Одета в черное монахиня поливала крошечную клумбу с цветами напротив здания. Вульф разглядел сквозь арку прохладный тихий холл. Сколько миль он проделал сегодня с чемоданами в руках? Ему нужен был отдых.

Из здания вышли два египетских полицейских.

Едва Вульф заметил их короткую военную стрижку и широкие кожаные пояса, у него сердце в пятки ушло. Он повернулся к мужчинам спиной и обратился к монахине в саду по-французски:

– Добрый день, сестра.

Она распрямилась и улыбнулась ему.

– Добрый день. Желаете снять комнату?

– Мне нужна не комната, а ваше благословение.

Двое полицейских приблизились, и Вульф напрягся, готовясь отвечать в том случае, если они вздумают расспрашивать его, и

размышляя, в какую сторону бежать, если возникнет такая необходимость, но они прошли мимо, обсуждая лошадиные бега.

– Да хранит вас Господь, – сказала монахиня.

Вульф поблагодарил ее и пошел дальше. Дело обстояло хуже, чем он воображал. Видимо, полиция проверяла везде. Ноги устали от ходьбы, руки болели от тяжести чемоданов. Он был расстроен и отчасти возмущен – все в этом городе делается случайно: можно подумать, они решили провести показательную эффективную операцию специально для него. Приходилось возвращаться обратно в центр. Ему даже начало казаться, что вокруг снова расстилается пустыня, по которой можно до бесконечности шагать, шагать и в результате никуда не прийти.

В отдалении замаячила знакомая фигура: Хусейн Фахми, старый школьный приятель. Вульф на секунду застыл на месте. Хусейн, конечно, приютит его, и, наверное, ему можно доверять; однако у него жена и трое детей, которым будет трудно объяснить, что дядя Ахмед просто приехал погостить, но только это секрет и его имя лучше не упоминать... Да и как, интересно, это объяснить самому Хусейну? Хусейн взглянул в направлении Вульфа, и тот, быстро повернувшись, пересек дорогу и скрылся за трамваем. По противоположной стороне улицы он быстро прошагал до ближайшего поворота не оглядываясь. Нет, у старых приятелей искать убежища бесполезно.

Алекс вышел на другую улицу и обнаружил, что находится недалеко от немецкой школы. Он уж было собрался подойти к ней поближе, чтобы узнать, открыто ли это заведение по-прежнему – ведь много немцев было интернировано, – но, увидев возле здания военный патруль, проверяющий документы, быстро развернулся и пошел обратно.

На улицах становилось опасно.

Он чувствовал себя крысой в лабиринте – куда ни повернешь, везде тупик. Наткнувшись на такси, большой старый «форд», из-под капота которого доносился подозрительный свист, он назвал водителю адрес. Машина рванулась вперед с третьей передачи, по-видимому единственной исправной. По дороге они дважды останавливались, чтобы охладить шипящий радиатор, и Вульф вжимался в заднее сиденье, стараясь спрятать лицо.

Такси доставило его в коптскую часть Каира – старое христианское гетто.

Алекс расплатился с шофером и направился к входу. Он сунул несколько пиастров старой женщине, которая держала в руках огромный деревянный ключ, и та впустила его на территорию квартала.

Вульф словно попал на остров тишины и темноты в штормящем море Каира. Прислушиваясь к слабому пению, доносящемуся из древних церквей, он шел по узким улочкам мимо школы, синагоги и подвала, куда, согласно легенде, Мария принесла младенца Иисуса. Наконец он пришел в самую маленькую из пяти церквей.

Служба должна была вот-вот начаться. Вульф опустил свои драгоценные чемоданы рядом с церковной скамьей. Он поклонился изображениям святых на стене, затем приблизился к алтарю, встал на колени и поцеловал руку священника. Вернувшись к скамье, он сел.

Хор принялся петь отрывок из Писания на арабском. Алекс устроился поудобнее. Здесь он будет в безопасности, пока не стемнеет. Затем предпримет последнюю попытку.

«Ча-ча» – так назывался огромный ночной клуб возле реки, располагавшийся под открытым небом. Как всегда, народу в нем было под завязку. Вульф стоял в очереди, состоящей из британских офицеров и их подружек, пока служба устанавливала дополнительные столы на каждом свободном дюйме пространства. На сцене какой-то комик самозабвенно острил: «Подождите, вот доберется Роммель до «Шепарда» – отсюда так быстро не уйдешь...»

Вульф отыскал свободный столик и получил заказанную бутылку шампанского. Вечер был и без того теплым, а огни ramпы делали жару невыносимой. Публика буйствовала – всем хотелось пить, подавали же только шампанское, поэтому посетители быстро пьянели. Они громко выкрикивали имя звезды программы – Сони Эль-Арам.

Однако для начала им пришлось выслушать толстую гречанку, которая выразительно спела «Я увижу тебя во сне» и «Никого у меня не будет». Последние слова, прозвучавшие из ее уст, вызвали у публики взрывы хохота. Затем объявили выступление Сони. Но она еще некоторое время не появлялась. Разгоряченные посетители все громче выражали недовольствие. И вот, когда обстановка накалилась до такой степени, что недолго было и до беспорядков, грянули

барабаны, огни погасли, и установилась тишина. Затем прожектор вновь осветил сцену, и там уже стояла Соня с простертыми к небу руками. На ней были полупрозрачные шаровары и расшитый блестками бюстгальтер, усыпанное белой пудрой тело мерцало. Зазвучала музыка, и танцовщица начала двигаться.

Вульф потягивал шампанское и смотрел на нее улыбаясь. Он так и знал: его старая знакомая по-прежнему лучше всех.

Она медленно поводила бедрами, притопывая ногами. Ее руки затрепетали, пришли в движение плечи, груди затряслись; а затем ее знаменитый живот плавно задвигался по кругу, гипнотизируя зрителей. Ритм ускорился. Соня закрыла глаза. Казалось, все части ее тела двигаются независимо друг от друга. У Вульфа появилось ощущение, как, впрочем, и у каждого мужчины в зале, что он остался наедине с танцующей женщиной, что она двигается только для него, что это не просто представление, не тщательно просчитанные чары шоу-бизнеса, это нечто большее. Пробегающие по красивому телу чувственные судороги были ей неподвластны. Каждому чудилось, что она просто не может иначе, потому что уже приведена в сексуальное неистовство собственным порочным телом. Вспотевшая публика была напряжена, молчалива, загипнотизирована. Соня двигалась все быстрее и быстрее, словно находясь в другом измерении. Музыка оборвалась. В наступившей тишине Соня издала короткий резкий вскрик, ее ноги подогнулись. Она упала на спину, разведя в сторону колени, и застыла в этом положении, свет погас. Зрители вскочили с мест, раздался гром аплодисментов.

Свет зажегся, чаровница исчезла. Соня никогда не выходила на бис.

Вульф сунул официанту один фунт стерлингов, что составляло трехмесячную зарплату для большинства египтян, и тот провел его за сцену. Официант указал ему дверь в Сонину примерную и мгновенно исчез.

Вульф постучал.

– Кто там?

Алекс вошел.

Танцовщица, одетая в шелковый халат, сидела на низком табурете и снимала с лица макияж. Она увидела его отражение в зеркале и резко повернулась.

– Привет, Соня, – сказал Вульф.

Она окинула его долгим взглядом и произнесла:

– Подонок.

Она совсем не изменилась.

Прежняя красота ничуть не увяла: черные длинные волосы все так же блестели; большие, немного навывкате карие глаза были обрамлены густыми ресницами; высокие скулы придавали ее лицу изящную форму, спасая от обычной для южных женщин круглоты; изогнутый нос был грациозно высокомерен; при улыбке пухлые губы обнажали два ровных ряда белых зубов. Все ее тело состояло из мягких соблазнительных закруглений, но благодаря росту выше среднего она не казалась толстушкой.

В ее глазах бушевало пламя гнева.

– Что ты здесь делаешь? Где ты был? Что у тебя с лицом?

Вульф поставил на пол чемоданы и сел на диван, глядя на нее снизу вверх. Соня стояла руки в боки, подбородок дерзко выдвинут вперед, зеленый шелк халата натянулся на груди.

– Как ты красива, – сказал он.

– Убирайся отсюда!

Алекс внимательно изучал ее. Он слишком хорошо знал эту женщину, чтобы испытывать к ней такие банальные чувства, как любовь или нелюбовь: она была частью его прошлого, старым другом, который остается таковым, несмотря на все его промахи, просто потому, что он находился рядом с тобой всегда и кажется, будто это невозможно изменить. Интересно, что произошло с Соней с тех пор, как он уехал из Каира? Может быть, она вышла замуж, купила дом, влюбилась, поменяла менеджера, родила ребенка? Алекс успел о многом поразмыслить, сидя в прохладной полутемной церкви. Он изобрел тысячу способов сблизиться с ней вновь, но так и не принял никакого решения, потому что совершенно не представлял, как она к нему отнесется. Не знал он этого и сейчас. У нее был агрессивный и презрительный вид. Но что за этим стоит? Как ему вести себя? Быть обаятельным и веселым? Или под стать ей агрессивным и напористым? Или беспомощным и умоляющим о снисхождении?

– Мне нужна помощь. – Он решил выразиться неопределенно.

Выражение ее лица не изменилось.

– У меня на хвосте британцы. Они следят за моим домом, во всех отелях есть описание моих примет. Мне негде спать. Я хочу остаться у тебя.

– Иди к черту, – отозвалась она.

– Дай мне объяснить, почему я ушел от тебя тогда.

– Прошло два года. Объяснениями дела не поправишь.

– Дай мне только одну минуту. Я объясню... ради всего, что было между нами!

– Я тебе ничего не должна. – Она смерила его презрительным взглядом и открыла дверь. Вульф подумал, что она хочет вышвырнуть его вон, и беспомощно смотрел ей в глаза, пока Соня держала дверь открытой. Затем она выглянула в коридор и крикнула: – Эй, кто-нибудь! Принесите мне выпить!

Алекс немного расслабился.

Соня закрыла дверь.

– Даю тебе ровно минуту, – сказала она небрежно.

– Ты что, собираешься стоять надо мной, как тюремщик? – Он улыбнулся. – Я не опасен.

– О нет, ты опасен. – Она вновь уселась на табурет и продолжила заниматься лицом.

Вульф пребывал в сомнениях. Существовала еще одна проблема, над которой он раздумывал вечером в коптской церкви. Как объяснить Соне, почему он бросил ее, даже не попрощавшись, и ни разу не пытался с ней связаться? Все, кроме правды, звучало неубедительно. Конечно, ему бы не хотелось делиться с кем-либо своими секретами, но эта женщина была его последней надеждой, следовательно, придется ей все рассказать.

– Помнишь, я ездил в Бейрут в тридцать восьмом году?

– Нет.

– Я привез тебе оттуда браслет из жадеита.

Она встретилась с ним взглядом в зеркале.

– У меня его больше нет.

Он знал, что это ложь, но не стал спорить.

– Я ездил туда, чтобы встретиться с немецким офицером по имени Хайнц. Он предложил мне работать на Германию в предстоящей войне. И я согласился.

Она повернулась и посмотрела на него, в ее глазах появилось нечто новое. Вульф приободрился.

– Мне велели возвращаться в Каир и ждать вестей. И два года спустя я получил весточку. Меня вызывали в Берлин. Я не мог послушаться. Там я прошел курс обучения, затем работал на Балканах и в Ливане. Вернулся в Берлин в феврале, чтобы подписать новый контракт. Меня направили сюда...

– Что ты пытаешь втолковать мне? – перебила она с недоверием. – Что ты шпион?

– Да.

– Я тебе не верю.

– Смотри. – Он взял чемодан и открыл его. – Это передатчик, чтобы посылать донесения Роммелю. – Он снова закрыл его и открыл другой. – А это мои финансы.

Соня уставилась на аккуратные пачки банкнот.

– Боже мой! – выдавила она. – Целое состояние!

В дверь постучали. Вульф поспешно захлопнул чемодан. Вошел официант с бутылкой шампанского в ведерке со льдом. Увидев Вульфа, он спросил:

– Принести еще один бокал?

– Нет, – ответила Соня нетерпеливо. – Уйди.

Официант вышел. Вульф открыл шампанское, наполнил бокал, отдал его Соне, а сам сделал глоток прямо из горлышка.

– Послушай, немецкая армия в пустыне побеждает. Мы в состоянии помочь нашим войскам. Им нужны сведения о британских силах – численность, номера дивизий, имена командиров, качество оружие и оборудования и по возможности планы атак. Здесь, в Каире, все это можно разведать. А потом, когда немцы победят, мы будем героями.

– Мы?

– Ты способна помочь мне. И первое, что ты можешь сделать, – это приютить меня. Ты же ненавидишь англичан, правда? Ты ведь хочешь, чтобы их выкинули отсюда?

– Приютила бы кого угодно, только не тебя. – Она допила шампанское и снова наполнила бокал.

Вульф забрал у нее бокал и отпил немного.

– Соня! Если бы я послал тебе хоть одну открытку из Берлина, англичане посадили бы тебя в тюрьму. Теперь ты все знаешь, не нужно на меня сердиться. – Он понизил голос. – Мы можем вернуть назад старые добрые времена. У нас будут отличная еда и лучшее шампанское, новая одежда, роскошные вечеринки и американская машина. Мы поедем в Берлин, ты же всегда хотела танцевать в Берлине, ты станешь там звездой. Немцы – новая нация, мы будем править миром, а ты... ты превратишься в настоящую принцессу! Мы... – Он замолчал. Все это не производило на нее должного впечатления. Пришло время разыграть последнюю карту. – Кстати, как дела у Фози?

Соня опустила глаза.

– Она ушла. Сука.

Вульф отставил в сторону бокал и положил обе ладони Соне на плечи. Она смотрела на него не двигаясь. Он потянул ее за подбородок, заставляя встать.

– Я найду нам другую Фози, – мягко сказал он и увидел, как ее глаза увлажнились. Его руки заскользили по ее телу, расправляя складки шелкового халата. – Только я знаю, что нужно моей девочке...

Он приблизился к ее лицу, захватил ртом ее нижнюю губу и сжимал между зубов, пока не почувствовал вкус крови.

Соня закрыла глаза.

– Я ненавижу тебя, – простонала она.

Стоял прохладный вечер. Вульф шагал по бечевнику вдоль Нила, направляясь к плавучему домику. С его лица уже исчезли раны и болячки, организм пришел в норму. Алекс облачился в новый белый костюм, в руках он нес две сумки, полные продуктов из бакалейной лавки.

Замалек, островной пригород, отличался от Каира царившими здесь тишиной и спокойствием. Столичный гомон едва доносился сюда через широкое водное пространство. Мутная медленная река покачивала на своих волнах плавучие домики-лодки, расположенные вдоль берега. Всех размеров и форм, ярко раскрашенные и роскошно снаряженные, они красовались в лучах заходящего солнца.

Сонин домик был меньше остальных, зато богаче обставлен. Мостки соединяли сушу с палубой, открытой всем ветрам, однако тщательно защищенной от солнца бело-зеленым полосатым навесом.

Вульф взошел на лодку и спустился по лестнице вниз. Мебели внутри было предостаточно: стулья, диваны, застекленные шкафчики, полные всяких безделушек. На носу судна располагалась крошечная кухня. Темно-бордовые бархатные шторы, спускавшиеся от потолка до самого пола, делили пространство домика на две части – за ними скрывалась спальня. Позади спальни, на корме, находилась ванная комната.

Соня сидела на диванных подушках и красила ногти на ногах. Просто удивительно, какая она порой неряха, подумал Вульф: скромное платье покрыто сальными пятнами, лицо выглядело помятым, волосы не уложены... Но пройдет всего полчаса, и, уходя в «Ча-ча», эта замарашка будет воплощением мужских мечтаний.

Вульф поставил сумки на стол и принялся распаковывать их.

– Французское шампанское... Английский мармелад... Немецкая колбаса... Перепелиные яйца... Шотландская семга...

Соня подняла голову, изумленная.

– Где ты достал все это?.. Сейчас же война.

Вульф улыбнулся:

– В Кулали есть один грек, который не забывает постоянных покупателей.

– Ему можно доверять?

– Он ничего не знает обо мне... Его магазинчик – единственное место во всей Северной Африке, где можно раздобыть икру.

Соня подошла к столу и заглянула в сумку.

– Икра! – Она сняла крышку с баночки и принялась есть прямо пальцами. – Я не ела икры со времени...

– С тех пор, как я уехал, – закончил ее мысль Вульф, поставив в холодильник бутылку шампанского. – Если ты потерпишь минутку, можно будет запивать икру холодным шампанским.

– Я не в силах ждать.

– Да, ждать ты не умеешь. – Он вынул из другой сумки газету на английском языке и принялся ее просматривать. Это была одна из тех дрянных газетенок, пестрящих официальными сообщениями, где новости о войне проходят еще большую цензуру, чем передачи Би-би-си, которые все равно слушают чаще... Местные репортажи в прессе такого рода были еще хуже: категорически запрещалось печатать речи египетских политиков, находящихся в оппозиции.

– Обо мне по-прежнему ничего не пишут, – сказал Вульф. Он уже успел рассказать Соне о происшествиях в Асьюте.

– Они всегда запаздывают с новостями, – невнятно проговорила Соня с набитым ртом.

– Не в этом дело. Если они пишут об убийстве, им нужно сообщить, каков у преступления мотив, а если они промолчат, люди попытаются угадать сами. Англичанам невыгодно распространение слухов: вдруг кто-нибудь догадается, что у немцев есть свои шпионы в Египте? Картинка получится неприглядная.

Соня ушла в спальню переодеваться и крикнула из-за занавески:

– Значит, тебя больше не ищут?

– Нет. Я видел на рынке Абдуллу. Он говорит, что египетская полиция не проявляет особого интереса к моей персоне, но существует некий майор Вандам, который на нее оказывает давление. – Вульф опустил газету и нахмурился. Хотел бы он знать, уж не этот ли Вандам вломился на виллу «Оливы». Жаль, что не удалось его рассмотреть, лицо офицера было скрыто тенью от фуражки, да и расстояние не позволяло приглядеться как следует.

– А откуда Абдулла знает? – спросила Соня.

– Понятия не имею. – Вульф пожал плечами. – Он вор, а воры все знают.

Алекс подошел к холодильнику и вынул бутылку. Она еще не охладилась, но ему хотелось пить. Он наполнил два бокала.

Соня вышла одетая. Как он и предполагал, она совершенно изменилась, ее прическа была идеальной, лицо искусно накрашено, платье яркого вишневого цвета ей очень шло, туфли подобраны в тон платью.

Через пару минут на трапе послышались шаги, кто-то постучал в люк. Значит, за Сонею уже приехало такси. Она осушила свой бокал и ушла. Здраваться и прощаться друг с другом не входило в их привычки.

Вульф подошел к серванту, где хранился его радиоприемник, достал английский роман и лист бумаги, на котором был записан ключ к шифру, и принялся изучать ключ. Сегодня 28 мая. Значит, ему нужно добавить 42 – год – к 28, чтобы попасть на страницу в романе, по которой он будет шифровать сообщение. Май – пятый месяц в году,

следовательно, каждая пятая буква на странице должна быть пропущена.

Алекс решил сообщить: ПРИБЫЛ НА МЕСТО. ПРОВЕРКА СВЯЗИ. ЖДУ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ. Начиная с самого верха семидесятой страницы он принялся отыскивать букву «п». Она оказалась десятой, если не считать все пятые буквы. Значит, в его коде она будет передаваться десятой буквой алфавита – «и». Затем ему нужна «р». В книжке эта буква была третьей после «п», значит, она будет передаваться третьей буквой алфавита – «в». Для редких букв существовали свои варианты.

Подобный вариант кодировки был единственным способом, неуязвимым как на практике, так и в теории. Чтобы расшифровать такое донесение, нужно иметь и книгу, и ключ.

Закодировав сообщение, он взглянул на часы. Сеансы связи устраивались сугубо в полночь. Следовательно, в запасе оставалась пара часов. Алекс наполнил бокал шампанским и решил доесть икру. Найдя ложку, он взялся за баночку, но та была пуста. Соня все съела...

* * *

Взлетно-посадочной полосой громко называлась полоска пустынной земли, очищенная от верблюжьих колючек и крупных камней. Роммель смотрел вниз на стремительно приближающуюся землю. «Шторх», легкомоторный самолет, которым германское командование пользовалось для коротких перелетов над полем боя, спускался вниз, словно уставшая муха, его выпущенные шасси напоминали длинные лапки. Самолет приземлился, и Роммель выпрыгнул наружу.

Сначала его обдало жаром, затем – пылью. Там, в небе, было относительно прохладно; теперь ему показалось, что он попал в преисподнюю. На лбу моментально выступили капельки пота. При каждом вздохе на губах и кончике языка оседал тонкий слой песка. На его крупный нос села муха, пришлось согнать ее движением руки.

По песку ему навстречу, вздымая тучи пыли армейскими сапогами, бежал начальник разведывательного отдела – фон Меллентин. Он выглядел возбужденным.

– Здесь Кессельринг! – выпалил он.

– Auch, das noch, – поморщился Роммель. – Только этого мне не хватало.

Кессельринг, улыбчивый генерал-фельдмаршал, являлся ярким воплощением всего того, что Роммель не любил в немецких вооруженных силах. Он офицер генерального штаба, а Роммель ненавидел генеральный штаб; кроме того, Кессельринг являлся начальником генштаба Люфтваффе, которые так часто подводили Роммеля в боях в пустыне; но что хуже всего – прославленный фельдмаршал был снобом. Некоторые язвительные замечания Кессельринга достигали ушей заинтересованных объектов. Жалуясь на то, что Роммель груб со своими подчиненными, Кессельринг, в частности, сказал: «Можно было бы поговорить с ним об этом, если бы он не был родом из Вюртемберга». Роммель действительно родился в Вюртемберге, немецкой провинции, и замечание подобного толка аккумулировало в себе те предрассудки, с которыми Роммелю приходилось бороться на протяжении всей карьеры.

Он направился к машине командования в сопровождении фон Меллентина.

– Генерал Крювель взят в плен, – сообщил фон Меллентин. – Я был вынужден попросить Кессельринга принять командование. Он разыскивает вас весь день.

– Час от часу не легче, – печально откликнулся Роммель.

Они вошли в кузов крупного фургона. Внутри было относительно прохладно. Кессельринг стоял, склонившись над картой. Одной рукой он отгонял мух, другой водил по карте. Он поднял голову и улыбнулся.

– Дорогой Роммель, слава богу, вы вернулись!

Роммель снял фуражку и буркнул:

– Я был в бою.

– Я так и думал. Что случилось?

Роммель приблизился к карте.

– Вот эль-газальская линия. – Это была вереница укреплений, связанная минными полями, которая протянулась от берега Эль-Газалы на пятьдесят миль на юг, в глубь пустыни. – Мы предприняли глубокий обход в юго-западном направлении, чтобы ударить с тыла.

– Отличная идея. И что же пошло не так?

– Нам не хватило бензина и боеприпасов. – Роммель тяжело опустился на стул, неожиданно почувствовав страшную усталость. – В очередной раз, – добавил он.

Кессельринг, как главнокомандующий на юге, был ответствен за снабжение войск Роммеля, но фельдмаршал, казалось, не обратил внимания на прозвучавшие критические нотки.

Им принесли чай. Роммель хлебнул из стакана, на зубах захрустел песок.

Кессельринг продолжал как ни в чем не бывало:

– Я сегодня получил новый опыт – выступил в роли вашего подчиненного.

Роммель проворчал что-то себе под нос. В этом высказывании ему послышалась доля сарказма. Впрочем, особенного желания связываться с Кессельрингом прямо сейчас он не испытывал, следовало подумать о проигранном бое. Однако Кессельринг не умолкал:

– Это оказалось невероятно сложно, мои руки были связаны. Нелегко подчиняться командованию, которое не дает никаких указаний и вообще недоступно.

– Я был в самом сердце битвы, отдавая приказы там, где действительно требовалось.

– И что? Это мешало вам оставаться в пределах досягаемости?

– Дурацкая британская манера, – огрызнулся Роммель. – Генералы находятся в сотнях миль от линии огня... Я побеждаю иначе. И если бы меня снабжали вовремя, я был бы уже в Каире.

– Ваша цель не Каир, – отрезал Кессельринг, – ваша цель – Тобрук. Там вы и будете находиться, пока я не возьму Мальту. Таков приказ фюрера.

– Разумеется. – Роммель не собирался затевать спор заново. Не сейчас. Тобрук был ближайшим объектом. Сразу после взятия этого укрепленного порта прибывающие из Европы люди – сколь бы смехотворно малым ни было их число – смогут попадать прямо на линию огня без изнуряющего путешествия через пустыню, которое к тому же требует слишком много бензина. – Для того чтобы добраться до Тобрука, нужно прорвать эль-газальскую линию.

– Каков будет ваш следующий шаг?

– Я собираюсь отойти назад и перегруппировать войска. – Роммель видел, как взметнулись вверх брови Кессельринга: фельдмаршал знал, насколько Роммель не любит отступать.

– А что в это время будет делать неприятель? – Кессельринг адресовал вопрос к фон Меллентину, который, как офицер разведки, отвечал за детализированный отчет о вражеских позициях.

– Будет преследовать нас, – ответил фон Меллентин, – но не сразу. К счастью, они всегда медлительны на подъем. Хотя рано или поздно они попробуют осуществить прорыв.

– Вопрос только в том, где и когда, – подытожил Роммель.

– Совершенно точно, – согласился фон Меллентин. Казалось, он колеблется, говорить дальше или нет. – Среди сегодняшних сводок есть одна, которая вас заинтересует. На связь вышел наш агент.

– Агент? – Роммель нахмурился. – А, тот! – Он вспомнил. Он летал в оазис Джало, расположенный глубоко в Ливийской пустыне, чтобы проинструктировать этого человека, прежде чем тот начал свой длинный марафон. Вульф, вот как его звали. Роммель был поражен его храбростью, но сомневался насчет его шансов на успех. – Откуда он передает?

– Каир.

– Так, значит, он туда добрался! Ну, уж если ему такое по плечу, то он может все. Возможно, он подскажет нам, когда будет прорыв.

В разговор вмешался Кессельринг:

– О господи, вы же не собираетесь полагаться на шпиона?

– Я ни на кого не полагаюсь! – вспыхнул Роммель. – Это на меня все полагаются.

– Я рад. – Кессельринг, как всегда, сохранял спокойствие. – От разведки не бывает много пользы, а от шпионов и подавно.

– Согласен, – несколько поостыл Роммель. – Но у меня такое ощущение, что с этим агентом все может получиться иначе.

– Что-то я сомневаюсь, – покачал головой Кессельринг.

Елена Фонтана посмотрела на свое отражение в зеркале и подумала: «Мне уже двадцать три... Видимо, я начала дурнеть».

Она прильнула ближе к зеркалу и стала внимательно себя изучать в поисках признаков увядания. Цвет ее лица был идеальным, карие глаза чисты, как горное озеро. Ни о каких морщинах не могло быть и речи. Детское личико с прекрасным овалом, и наивный целомудренный взгляд. Елена вела себя как коллекционер произведений искусства, разглядывающий свой лучший шедевр: она думала о своем лице как о собственности. Стоило ей улыбнуться, и лицо в зеркале улыбалось в ответ – легкой, интимной улыбкой с намеком на озорство. Девушка хорошо знала, что от подобной улыбки мужчин прошибал холодный пот.

Она взяла со стола записку и перечитала ее.

Четверг

Елена, милая!

Боюсь, между нами все кончено. Моя жена обо всем узнала. Мы кое-как уладили это дело, но я пообещал никогда с тобой не встречаться. Ты, конечно, можешь остаться в квартире, однако я больше не смогу за нее платить. Мне очень жаль, что все так получилось... Но я думаю, мы оба знали, что это не может длиться вечно.

Удачи тебе.

Твой Клод

Вот так, подумала она.

Она порвала записку, полную дешевых штампов. Клод, толстый бизнесмен, наполовину француз, наполовину грек, владел тремя ресторанами в Каире и одним в Александрии. Он был образованным, веселым и добрым, но при первых же трудностях потерял к Елене интерес.

За шесть лет это уже третий случай.

Все началось с Чарлза, биржевого брокера. У нее, семнадцатилетней девчонки, не было тогда ни работы, ни денег, ни пристанища, потому что она боялась идти домой. Чарлз снял для нее квартиру и навещался туда по вторникам, ближе к вечеру. Она бросила его, когда он захотел «угостить» ею своего брата, словно не видя разницы между женщиной и блюдом из конфет и засахаренных фруктов. Затем последовал Джонни, самый милый из троих, он даже

собирался развестись и жениться на Елене, но она сама отказалась. Теперь ушел и Клод.

Она с самого начала знала, что у таких отношений нет будущего.

Вина за каждый новый разрыв в одинаковой степени ложилась и на них, и на нее. Официальные причины – брат Чарльза, предложение Джонни, жена Клода – служили только поводом, а может быть, катализатором. Настоящая же причина заключалась в трех простых словах: Елена была несчастлива.

Для нее не составляло труда представить, как сложатся ее отношения со следующим мужчиной: некоторое время она поживет самостоятельно на небольшие сбережения, хранящиеся в банке Баркли в Шари Каср-эль-Ниле, на пополнение которых уходили все свободные средства, остававшиеся от каждого кавалера. Затем, увидев, что запасы истощаются, она устроится танцевать в какой-нибудь клуб и пару дней помашет там ножками и покрутит попкой. А потом... Она смотрела в зеркало и одновременно сквозь него, уже видя перед собой четвертого любовника. Возможно, он окажется итальянцем, с горящими глазами, блестящей шевелюрой и идеально ухоженными руками. Такого несложно повстречать в баре при отеле «Метрополитен», где частенько выпивают иностранные журналисты. Он заговорит с ней, затем предложит выпить. Она улыбнется ему, и бедняга потеряет голову. Они договорятся поужинать вместе на следующий день. Когда она, ослепительно красивая, войдет в ресторан с ним под руку, все мужские взгляды обратятся на нее, а итальянца будет переполнять чувство гордости.

Затем однообразной чередой последуют свидания... Он будет дарить ей подарки. Первая его попытка завлечь ее в постель окажется неудачной, вторая – тоже, на третий раз она уступит... В постели им будет хорошо: ее всегда увлекает этот интимный ритуал с нежными прикосновениями и ласками – она позаботится о том, чтобы он почувствовал себя королем. Оставив ее на рассвете, новоиспеченный любовник непременно вернется обратно тем же вечером. С этого момента они перестанут ходить по ресторанам – «это слишком опасно», объяснит он, – но все больше времени будут проводить в квартире. В конце концов итальянец начнет оплачивать аренду и счета. Тогда у Елены появится все, в чем она нуждается: дом, деньги и

страсть. И вот уже почти невозможно вспомнить, почему же она была так несчастна.

Однажды вечером его угораздит прийти на полчаса позже обычного, и разразится скандал. Она возьмет за привычку дуться после каждого упоминания о его жене. Начнутся постоянные упреки: «Ты ничего мне не даришь!» – но каждый его новый подарок будет приниматься с уничтожающим равнодушием. Раздраженный любовник, попавший в сеть ее скупых поцелуев, восхищенный ее великолепным телом, по-прежнему ощущающий себя королем в постели, поначалу не найдет сил покинуть ее. Его болтовня начнет наводить на нее скуку, она потребует от него больше страсти, чем он вообще способен дать, – тут-то придет время безостановочных скандалов. Наконец, наступит кризис. У его жены вдруг появятся подозрения, или заболеет ребенок, или подвернется командировка на полгода, или, на худой конец, просто кончатся деньги. И Елена снова окажется в том же положении, в котором пребывает сейчас: предоставленная своей судьбе, одинокая, с сомнительной репутацией, постаревшая еще на один год.

Она сосредоточилась и вновь увидела в зеркале свое лицо. Вот в чем причина всех несчастий. Именно из-за своего лица она вела такую бессмысленную жизнь. Будь она уродливой, подобное существование осталось бы лишь мечтой, а значит, она так и не обнаружила бы его минусов. «Ты сбила меня с пути, – мысленно сказала она своей внешности, – ты предала меня, ты заставила меня поверить, что я могу быть тем, чем я не являюсь. Ты не мое лицо, ты моя маска. И хватит уже править моей жизнью.

Я вовсе не каирская красавица из приличного общества, я обыкновенная уличная девчонка из трущоб Александрии.

Я не самостоятельная женщина, я почти распутница.

Я не египтянка, я еврейка.

Меня зовут не Елена Фонтана, мое имя – Абигайль Аснани.

И я хочу домой».

На голове молодого человека за столом в еврейском агентстве красовалась ермолка. Его щеки были гладкими, если не считать клочковатой бородки. Он спросил ее имя и адрес. Забыв о своих намерениях, она представилась как Елена Фонтана.

Молодой человек выглядел смущенным. Она к этому привыкла: большинство мужчин терялись при виде ее улыбки. Он растерянно пробормотал:

– Скажите, вы... я имею в виду, не будете ли вы возражать, если я спрошу о причинах вашего желания уехать в Палестину?

– Я еврейка, – резко сказала она. Еще не хватало рассказывать этому мальчику о своей жизни. – Никого из моей семьи нет в живых. Я зря теряю здесь время. – Первая часть была ложью, вторая – правдой.

– Чем вы будете заниматься в Палестине?

Она об этом не подумала.

– Чем угодно.

– Там в основном земледельческая работа.

– Ну и отлично.

Он вежливо улыбнулся.

– Не хочу вас обидеть, но вы не похожи на человека, рожденного для фермерства.

– Если бы я не хотела радикально изменить свою жизнь, я бы не собиралась в Палестину.

– Понимаю. – Он повертел в руках карандаш. – А чем вы занимаетесь сейчас?

– Я пою, а когда не могу петь, я танцую. Если же я не танцую, то работаю официанткой. – Это было более или менее правдой. В разное время она занималась всем этим с переменным успехом, лучше всего дело обстояло с танцами, хотя и в этом звездой она так и не стала. – Говорю же вам: я теряю время впустую. К чему ваши вопросы? Или в Палестине теперь принимают только выпускников колледжа?

– Ничего подобного, – ответил молодой человек. – Но туда непросто попасть. Британцы наложили квоту, и теперь все свободные места занимают беженцы от нацистов.

– Почему вы не сказали мне об этом раньше? – возмутилась она.

– По двум причинам. Во-первых, потому, что туда можно попасть незаконно. А во-вторых... это сложнее объяснить. Вы подождете минутку? Я должен сделать один звонок.

Елена разозлилась на клерка за то, что он позволил себе провести этот глупый допрос, хотя прекрасно знал, что места для нее нет.

– Какой смысл в вашем звонке?

– Смысл есть, я вам точно говорю. Это довольно важно. Подождите, это займет всего одну минуту.

– Ладно.

Он ушел в соседнюю комнату. Елена ждала с нетерпением. Становилось жарко, а комната плохо проветривалась. Она чувствовала себя глупо. Она пришла сюда, повинувшись импульсу, не подумав хорошенько о сложностях эмиграции. Слишком много решений в ее жизни принималось подобным образом. Естественно, здесь задают разные вопросы, надо было подготовиться. И одеться поскромнее.

Молодой человек вернулся.

– Жарко, – сказал он. – Может, выпьем чего-нибудь холодненького?

Так вот в чем дело, подумала Елена и тут же решила дать ему от ворот поворот. Она оценивающе посмотрела на него и покачала головой:

– Нет. Вы для меня слишком молоды.

Он страшно смутился.

– О нет, пожалуйста, вы меня неправильно поняли. Я просто хочу вас кое с кем познакомить. И все.

Она не знала, верить ему или нет. Но терять ей было нечего, а из-за жары очень хотелось пить.

– Ну хорошо.

Он придержал перед ней дверь. Они пересекли улицу, лавируя между непредсказуемыми в своих передвижениях повозками и неисправными такси, чувствуя обжигающие прикосновения солнца на коже, и вошли под полосатый навес в кафе. Молодой человек заказал лимонад, а Елена – джин с тоником.

– Значит, вы перевозите людей нелегально?

– Иногда. – Он залпом проглотил половину стакана. – Мы делаем это, если человека преследуют. Вот почему я задавал вам вопросы.

– Меня никто не преследует.

– И если люди были полезными для общего дела.

– Вы хотите сказать, что я должна заработать право уехать в Палестину?

– Слушайте, может, когда-нибудь все евреи смогут туда переселиться. Но пока есть квоты, должны быть и критерии отбора.

Ее так и подмывало спросить: ну и с кем же я должна для этого переспать? Но она уже однажды ошиблась на его счет. Тем не менее очевидно, что он хочет ее использовать.

– Что же мне делать?

Он опустил голову.

– Я не имею права заключать с вами сделки. Египетские евреи не могут попасть в Палестину, исключая некоторые особые случаи, к которым вы не относитесь. Вот в общем-то и все.

– Ну и к чему вы клоните?

– Вы не можете поехать в Палестину, но вы можете кое-что сделать для страны.

– Что конкретно вы имеете в виду?

– Наша главная задача – победить нацизм.

Она рассмеялась.

– Ну хорошо, я сделаю все от меня зависящее.

Молодой человек не обратил внимания на иронию в ее словах.

– Нам не очень-то нравятся британцы, однако любой враг Германии – наш друг, так что на данный момент – временно, естественно, – мы сотрудничаем с британской разведкой. Я думаю, вы можете нам помочь.

– Что-то я плохо представляю как!

На столик упала тень, и молодой человек поднял голову.

– А-а! – воскликнул он и снова посмотрел на Елену. – Я хочу представить вам моего друга. Знакомьтесь, майор Уильям Вандам.

* * *

Присоединившийся к ним мужчина был высоким и крупным. Широкие плечи и мускулистые ноги. Наверное, бывший спортсмен, а может, и не бывший. На вид Елена дала бы ему лет сорок, скорее всего он лишь недавно начал терять безупречную форму. У него были круглое, открытое лицо, жесткие каштановые волосы, которые могли бы завиваться, если их отпустить чуть длиннее, чем это позволено военным. Он пожал ей руку, сел, скрестил ноги, закурил и заказал джин. У него было суровое выражение лица: видимо, он считал жизнь

слишком серьезным делом, чтобы позволять кому-нибудь вблизи от него валять дурака.

Типичный холодный англичанин, резюмировала для себя Елена.

Молодой человек из еврейского агентства спросил:

– Какие новости?

– Линия при Эль-Газале держится, но там становится жарко.

То, как звучал его голос, удивило Елену. Английские офицеры обычно говорили с изысканной медлительностью, призванной подчеркнуть их презрение к обычным египтянам. Вандам же произносил слова очень четко, но мягко, округляя гласные и слегка картавя; у Елены создалось впечатление, что это следы какого-то деревенского диалекта, хотя она сама удивилась этим знаниям...

Она решилась задать вопрос:

– Майор, откуда вы родом?

– Из Дорсета. А что?

– Просто интересно, что у вас за акцент.

– Это на юго-западе Англии. Вы наблюдательны. Мне казалось, у меня нет акцента.

– Он практически незаметен.

Вандам закурил новую сигарету. Она наблюдала за его пальцами – длинными, тонкими, которые не очень гармонировали с другими частями тела. Ногти были хорошо ухожены, кожа отличалась белизной, за исключением янтарных табачных пятен.

Молодой человек стал прощаться.

– Майор Вандам все вам объяснит. Надеюсь, вы будете с ним сотрудничать. Я уверен, это очень важно.

Вандам пожал ему руку и поблагодарил, молодой человек ушел.

– Расскажите мне о себе.

– Нет, расскажите сначала вы.

Майор поднял одну бровь, слегка удивленный. Видимо, такое заявление его позабавило, и вся холодность куда-то пропала.

– Ладно, – согласился он после короткой паузы. – В Каире полно офицеров и гражданских, которым известны военные тайны. Они знают все о наших силах, слабостях и планах. Врагу нужны эти секретные сведения. Мы можем в любой момент ожидать появления в Каире немецких агентов, которые будут стараться раздобыть информацию. Моя работа заключается в том, чтобы помешать им.

– Это понятно.

– Понятно, но не так уж просто, – уточнил Вандам.

«Он принимает каждое мое слово всерьез», – заметила Елена и тут же объяснила это тем, что у него нет чувства юмора, но это ей даже нравилось: обычно мужчины обращали на ее высказывания не больше внимания, чем на музыку в баре, – так, приятный, но довольно бессмысленный шум.

Майор ждал.

– Ваша очередь, – напомнил он.

Ей неожиданно захотелось сказать ему правду.

– Я паршивая певица и посредственная танцовщица, однако порой я нахожу себе богатых мужчин, которые оплачивают мои счета.

Он ничего не сказал, но это его как будто оттолкнуло.

– Шокированы?

– Как вам сказать...

Елена посмотрела в сторону. Интересно, о чем он думает. До этого момента он обходился с ней вежливо, как если бы она была уважаемой женщиной, принадлежащей к его классу. Теперь он должен осознать, что жестоко ошибся. Его реакция была абсолютно предсказуемой, но она почувствовала горечь и запальчиво произнесла:

– Разве не это делают женщины, выходя замуж, – просто находят себе мужчину, который оплачивает их счета?

– Совершенно верно, – со вздохом согласился майор.

Елена внимательно взглянула на него, и ее обуяло озорство.

– Просто я меняю их немного чаще, чем среднестатистическая домохозяйка.

Вандам расхохотался и тут же словно превратился в другого человека – все его напряжение спало. Когда смех утих, он на мгновение абсолютно расслабился. Они посмотрели друг на друга. Момент прошел, и майор снова скрестил ноги. Повисло молчание. Елена чувствовала себя школьницей, не вовремя хихикнувшей на весь класс.

Вандам снова был серьезен.

– Главная проблема – это сбор информации, – сказал он. – Никто ничего не говорит англичанам. С вами все иначе. Вы египтянка. Вы можете поймать какие-то слухи, быть в курсе сплетен, которые до меня

никогда не дойдут. Но поскольку вы еврейка, вы мне их передадите. По крайней мере, я на это надеюсь.

– Какого рода слухи?

– Меня интересуют все, кто проявляет любопытство по отношению к английской армии. – Он умолк, как будто раздумывая, до какой степени откровенным с ней можно быть. – Если вам нужны частности... В данный момент я разыскиваю человека по имени Алекс Вульф. Когда-то он жил в Каире и недавно сюда вернулся. Скорее всего, он ищет себе пристанище, возможно, у него много денег. И он совершенно точно наводит справки о британских войсках.

Елена пожала плечами.

– Знаете, после такого предисловия я думала, меня попросят сделать что-нибудь более существенное.

– Например?

– Ну, не знаю. Например, пригласить Роммеля на вальс и опустошить его карманы.

Вандам снова расхохотался. «Я могла бы привязаться к этому смеху», – подумала Елена.

Он успокоился и спросил:

– Несмотря на то что моя просьба оказалась чуть более приземленной, вы возьметесь за это?

– Не знаю.

На самом деле она уже все знала, просто старалась продлить приятный разговор.

Вандам придвинулся ближе.

– Мне нужны такие люди, как вы, мисс Фонтана. – Ее имя прозвучало глуповато, когда он так вежливо его произнес. – Вы наблюдательны, у вас прекрасное прикрытие, и вы явно умны; простите мне мою прямолинейность...

– Не извиняйтесь, мне нравится, – успокоила его она. – Продолжайте.

– На большинство из моих людей нельзя положиться. Они делают это ради денег, тогда как у вас есть лучший мотив...

– Подождите-ка, – перебила она. – Мне тоже нужны деньги. Сколько вы платите за работу?

– Смотря какую информацию вы продаете.

– Ну сколько минимум?

– Ничего.

– Это немножко меньше того, на что я рассчитывала.

– А сколько вы хотите?

– Вы могли бы повести себя как джентльмен и оплачивать аренду моей квартиры. – Она осеклась: произнесенное звучало прелестно – ну вылитая проститутка...

– И сколько же это?

– Семьдесят пять в месяц.

Вандам вскинул брови.

– Вы что, живете во дворце?

– Цены растут. Это для вас новость? Может быть, вы также ничего не слышали о противных английских офицерах, которые оккупировали все жилье в городе?

– Ясно. – Он нахмурился. – Вам придется быть чертовски полезной, чтобы оправдать семьдесят пять в месяц.

Елена пожала плечами:

– Почему бы не попробовать?

– Вы прекрасно торгуетесь. – Он улыбнулся. – Ладно, я назначаю вам испытательный срок – месяц.

Елена постаралась скрыть торжество.

– Как мне с вами связаться?

Он достал карандаш и клочок бумаги из кармана рубашки и принялся писать.

– Я даю вам свой адрес и телефон, и в генеральном штабе, и дома. Как только я получу от вас весточку, приду к вам домой.

– Договорились. – Она написала свой адрес, гадая, что майор подумает о ее квартире. – А вдруг вас увидят?

– Это имеет значение?

– Меня могут спросить, кто вы.

– Тогда вам лучше не говорить правды.

Она усмехнулась.

– Я скажу, что вы мой любовник.

Он отвел глаза.

– Хорошо.

– Вам придется выдержать эту роль. – Она хранила непроницаемое выражение лица. – Вы должны будете приносить цветы и конфеты.

– Ну, не знаю...

– Неужели англичане не дарят своим любовницам цветы и конфеты?

Он посмотрел на нее без всякого выражения, и она заметила, что у него серые глаза.

– Я не знаю, – повторил он ровно. – У меня никогда не было любовницы.

«Ого, меня поставили на место», – подумала Елена.

– Ну, тогда вам придется многому научиться.

– Понимаю. Хотите еще выпить?

«Мне намекают, что пора расставаться, – поняла Елена. – Вы многовато себе позволяете, майор Вандам, в вас есть определенное самолюбование, вы любите командовать и чувствовать себя хозяином положения. Но я-то могу прибрать вас к рукам, сбить с вас тщеславие, причинить вам боль...»

– Нет, спасибо, – ответила она. – Мне нужно идти.

Вандам поднялся.

– Буду с нетерпением ждать от вас вестей.

Она пожала ему руку и ушла, прекрасно сознавая, что он и не подумает проводить ее взглядом.

Вандам переоделся в гражданскую одежду для приема в Англо-египетском союзе. Он бы никогда не пошел на подобное мероприятие, будь его супруга жива: она считала, что ходить туда «весьма плебейски». Он напоминал ей, что такого наречия не существует. Так говорят только провинциальные снобы. Жена спокойно возражала, что она и есть провинциальный сноб... И вообще не будет ли он так добр прекратить выставлять напоказ свое классическое образование?

Вандам любил ее до сих пор.

Ее отец, сказочно богатый человек, подался в дипломаты просто потому, что ему нечем было заняться. Перспектива свадьбы дочери с сыном почтальона не вызвала у него восторга. Не помогло даже то, что Вандам окончил престижную частную школу (получая стипендию) и Лондонский университет и считался одним из самых многообещающих молодых офицеров. Впрочем, дочь проявила завидное упрямство, и наконец отец был вынужден уступить ей в этом, как и во всем остальном. Удивительно, но отцы влюбленных более или менее поладили с первой же встречи, в то время как матери

возненавидели друг друга, так что всякие семейные сборища были невозможны.

Все это не имело значения для Вандама; не беспокоили его и дурной характер жены, ее высокомерное поведение и отнюдь не великодушное сердце. Грациозная и красивая, Анджела, обладавшая чувством собственного достоинства, была для Уильяма воплощением женственности, и он почитал себя самым счастливым мужчиной на земле.

Более разительный контраст с Еленой Фонтана сложно даже вообразить.

Вандам отправился в союз на своем мотоцикле марки «BSA 350» – чрезвычайно удобном средстве передвижения по Каиру. Майор мог ездить на нем круглый год – погода, как правило, это позволяла; на мотоцикле было удобнее лавировать в пробках, в которых подолгу стояли частные машины и такси. К тому же мощность мотора позволяла развивать приличную скорость, и это дарило водителю тайное наслаждение, возвращавшее его к отроческим годам, когда он мечтал о таких мотоциклах, но не мог позволить себе подобную роскошь. Анджела не любила мотоцикл: на ее взгляд, это тоже отдавало плебейством, но тут Вандам твердо шел наперекор ее вкусам.

На улице становилось прохладнее. Майор припарковался возле здания союза. Проходя мимо клуба, он заглянул в окно и увидел, что там в самом разгаре партия в бильярд. Уильям не поддался искушению и вышел на лужайку.

Взяв стакан кипрского шерри, он смешался с толпой, кивая, улыбаясь и обмениваясь шутками со знакомыми. Для непьющих мусульманских гостей подавали чай. Впрочем, таковых было немного. Вандам пригубил шерри и задумался над тем, можно ли бармена научить делать мартини.

Он кинул взгляд на здание клуба египетских офицеров и пожалел, что не слышит, какие там ведутся разговоры. Кто-то произнес его имя, и он обернулся. Ему снова пришлось задуматься, прежде чем он вспомнил имя окликнувшей его дамы.

– Доктор Абутнот.

– Здесь мы можем не соблюдать формальностей, – сказала она. – Меня зовут Джоанна.

– Уильям. Ваш муж тоже здесь?

– Я не замужем.

– Прошу прощения. – Теперь она предстала перед ним в новом свете. Она одна, он вдовец, и вот они уже третий раз за неделю мило разговаривают в публичном месте: теперь весь английский контингент в Египте вознамерится немедленно их поженить.

– Вы хирург? – осведомился Вандам.

Джоанна улыбнулась:

– Сейчас это вряд ли можно так назвать. Я просто зашиваю людей или ставлю на них заплатки, но перед войной я действительно была хирургом.

– Как вам удалось им стать? Это не женское дело.

– Мне было нелегко добиться уважения. – Она все еще улыбалась, хотя в ее голосе прозвучал отголосок обиды за те унижения, через которые ей пришлось пройти. – Насколько я знаю, вам тоже приходится несладко.

Вандам не сразу понял, о чем идет речь.

– В смысле? – удивился он.

– Вы один воспитываете ребенка.

– У меня нет выбора. Даже если бы я захотел отправить его в Англию, то не смог бы: разрешение уехать отсюда дают только недееспособным или генералам...

– Но вы же и не хотите...

– Нет.

– Об этом я и говорю.

– Это мой сын, – ответил Вандам. – Я не хочу, чтобы кто-нибудь другой воспитывал его. И он этого не хочет.

– Понимаю. Просто многие отцы посчитали бы, что это... не мужски.

Он удивленно вскинул брови и вдруг заметил, что доктор Абутнот покраснела.

– Возможно, вы правы. Я никогда об этом не думал.

– Мне очень стыдно, я сую нос не в свое дело. Хотите что-нибудь выпить?

Вандам посмотрел на свой стакан.

– Думаю, мне придется зайти в клуб, чтобы найти себе нормальное питье.

– Желаю удачи. – Она улыбнулась.

Майор отправился через лужайку к клубу. Джоанна была привлекательна, умна и ясно дала понять, что хочет узнать его получше. «Так какого черта я так к ней равнодушен? – спросил он себя. – Все люди вокруг нас уверены в том, что мы хорошо друг другу подходим. И они правы».

В клубе Уильям заказал джин со льдом и оливкой и попросил добавить несколько капель сухого вермута.

Коктейль оказался не таким уж скверным, майор заказал еще два и снова подумал о Елене. Таких девушек, как она, в Каире тысячи – гречанки, еврейки, сирийки, палестинки, не говоря уже о египтянках. Они танцуют в клубах ровно столько времени, сколько требуется на то, чтобы привлечь какого-нибудь богатого повесу. Многие из них, наверное, лелеют мечту о том, чтобы выйти замуж, уехать отсюда и поселиться в большом доме в Александрии, Париже или Суррее, но им суждено испытать разочарование.

У всех у них изящные загорелые лица, кошачьи тела со стройными ногами, пышная грудь, однако Вандаму почему-то хотелось думать, что Елена выделяется из этой толпы приятных мордашек. Ее улыбка... Он не знал, как назвать ее. Опустошающая? Ее идея поехать в Палестину, чтобы работать на ферме, на первый взгляд была смехотворной, но смелая девушка рискнула, а когда не получилось, согласилась работать на Вандама. С другой стороны, пересказывать уличные разговоры – не самый сложный способ заработать на жизнь, по крайней мере не сложнее, чем быть чьей-нибудь содержанкой. Наверное, Елена ничем не отличается от всех этих длинноногих танцовщиц, а Вандама такой тип женщин не интересовал.

Выпитый коктейль начал оказывать свое воздействие, и майор опасался, что не сумеет быть достаточно любезен с дамами, которые периодически сюда заходили, поэтому он расплатился и ушел.

Он зашел в штаб, чтобы узнать последние новости. День вроде бы так и закончился без перевеса в чью-либо сторону, хотя жертв среди англичан насчитывалось больше. «Это чертовски деморализует, – подумал Вандам, – у нас хорошо защищенная база, прекрасное снабжение, на нашей стороне прекрасное оружие и численное превосходство; мы тщательно планируем наши действия, отлично воюем, но ни черта не выигрываем».

Он отправился домой. Джафар приготовил мясо молодого барашка с рисом. Вандам еще немного выпил за ужином. Билли болтал с ним, пока он ел. На сегодняшнем уроке географии они проходили систему выращивания пшеницы на канадских фермах. Вандам предпочел бы, чтобы мальчику рассказывали о стране, в которой тот живет сейчас.

Когда Билли ушел спать, майор еще долго сидел один в гостиной, курил и думал о Джоанне Абутнот, Алексее Вульфе, Эрвине Роммеле. Все они угрожали ему: каждый по-своему. По мере того как темнело, комната как будто сужалась. Вандам запасся сигаретами и вышел наружу.

По ночам оживление здесь почти не спадало. По улицам бродило много солдат, некоторые были совершенно пьяны. Эти суровые мужчины, которые участвовали в боях в пустыне, пережившие жару, бомбардировки и артиллерийские обстрелы, считали, что местные жители ниже их по рождению. Если владелец магазинчика не давал сдачу, или ресторан оказывался переполненным, или бармен медлил с выдачей новой порции, солдаты вспоминали своих друзей, убитых при защите Египта, и начинали бить стекла и громить все вокруг. Вандам понимал, почему египтяне недовольны: какая, в конце концов, разница, кто тебя унижает – англичане или немцы? И все же он испытывал искреннюю антипатию к каирским торговцам, которые наживались на войне.

С наслаждением вдыхая прохладный ночной воздух, Уильям медленно шагал по городу с сигаретой в руке, заглядывая в крошечные открытые магазины и отказываясь купить рубашку, которую обещали сшить тут же, практически на нем, кожаную сумочку для дамы или посредственный журнальчик под названием «Лакомые сплетни». Его позабавил один уличный торговец, у которого на левом отвороте пиджака болтались непристойные картинки, а на другом – распятия; и то и другое было выставлено на продажу. Он заметил компанию военных, которые разразились хохотом при виде двух египетских полицейских, патрулирующих улицу, держась за руки.

Майор вошел в бар. Джин имело смысл заказывать только в английских клубах, поэтому он заказал зибиб – анисовую водку, смешанную с водой. В десять часов все бары закрывались по обоюдному согласию мусульманского правительства партии «Вафд»

и начальника военной полиции, не поощрявшего разгульного веселья. Вандам вышел из бара, слегка покачиваясь.

Он направился в Старый город. Пройдя мимо таблички «Военнослужащим вход воспрещен», он вошел в Бирку. На узких улицах и аллеях повсюду встречались продажные женщины: они сидели на ступеньках, высовывались из окон, курили, ожидая клиентов, болтали с полицией. Некоторые проститутки заговаривали с Вандамом, раскованно предлагая свои тела на английском, французском и итальянском языках. Он свернул в небольшой переулок, пересек пустынный двор и вошел в открытую дверь, над которой не было вывески.

Поднявшись по лестнице, он постучал в дверь на втором этаже. Ему открыла пожилая египтянка. Уильям заплатил ей пять фунтов и вошел.

В большой, тускло освещенной комнате, обставленной поистрепанной дорогой мебелью, он сел на диван и расстегнул воротник рубашки. Молодая женщина в широких штанах подала ему наргиле. Он несколько раз затянулся гашишем. Очень скоро приятная истома охватила его члены, он откинулся назад и посмотрел по сторонам. В комнате находились еще четверо мужчин. Двое из них походили на пашей – богатых арабских землевладельцев; они сидели на диване и тихо разговаривали. Третий, которого от гашиша, видимо, совсем разморило, был англичанином, возможно таким же офицером, как сам Вандам. Четвертый сидел в углу, разговаривая с одной из девушек. Из тех отрывистых фраз, что долетали до Вандама, следовало, что мужчина хочет отвезти девушку к себе и теперь они договариваются о цене. Лицо мужчины показалось майору смутно знакомым, однако опьянение и наркотический дурман мешали привести память в порядок.

Одна из девушек подошла к Уильяму и взяла за руку. Она провела его в альков и задернула шторы. Затем сняла бюстгальтер и обнажила маленькие коричневые груди. Вандам погладил ее по щеке. В мерцании свечей ее лицо постоянно менялось, то оно казалось старым, то очень молодым, потом хищным, потом любящим. Чем-то она напоминала Джоанну Абутнот. Но в конце концов, когда он грубо овладел ею, она стала больше похожа на Елену.

Алекс Вульф, в галабее и феске, стоял в тридцати ярдах от ворот британской штаб-квартиры, продавая бумажные веера, которые ломались через две минуты использования.

Охота на него стихла. Вот уже целую неделю он не видел, чтобы англичане проверяли документы. Должно быть, оказывать постоянное давление не в характере пресловутого Вандама.

Вульф направился к зданию генштаба сразу, как только почувствовал себя в относительной безопасности. То, что он добрался до Каира, уже было подвигом, но подвигом, совершенным впустую, – пока он не мог использовать свое положение для того, чтобы быстро добывать нужную Роммелю информацию. Алекс вспомнил короткий разговор, состоявшийся у них с Роммелем в Джало. Пустынный Лис едва ли оправдывал свое прозвище. Это был маленький подвижный человечек с грубым лицом сурового крестьянина: огромный нос, жесткий изгиб рта, раздвоенный подбородок, глубокий рубец на левой щеке, волосы, остриженные так коротко, что ни один волосок не выбивался из-под фуражки. Он сказал:

– Мне нужно знать численный состав войск, номера дивизий в районе боевых действий и в запасе, качество подготовки. Количество танков и техническое состояние оборудования. Снабжение боеприпасами, едой, бензином. Характер и привычки командующего состава. Стратегические и тактические намерения. Говорят, вы неплохой агент, Вульф. В ваших интересах это подтвердить.

Легко сказать.

Некоторую часть информации можно было собрать, просто шатаясь по городу. Алексу достаточно рассмотреть форму солдат и подслушать их разговоры, чтобы понять, какие воинские части находятся в городе и когда они собираются вернуться в бой. Какой-нибудь сержант мог назвать собеседнику статистику погибших и раненых или рассказать о разрушительном огне 88-миллиметровых зениток, которые немцы приспособляли к своим танкам, чтобы сбивать самолеты. Однажды Вульф услышал, как военный механик жаловался, что тридцать девять из прибывших вчера пятидесяти новых танков нуждаются в тщательном ремонте, прежде чем их можно будет выпустить в бой. Всю эту полезную информацию с радостью

воспримут берлинские разведчики-аналитики – любители сопоставлять между собой обрывки сведений и выработать на их базе общую картину. Роммелю же требуется совсем другое.

Где-то в кабинетах генштаба хранятся бумаги, на которых, например, написано: «После отдыха и укомплектования дивизия А, снабженная сотней танков и необходимыми боеприпасами, покинет Каир и присоединится к дивизии В в оазисе С для подготовки к контрнаступлению, которое состоится на западе от пункта D, в следующую субботу на рассвете».

Именно такая информация нужна Вульффу. Поэтому он и продавал бумажные веера возле здания генштаба.

Под свою центральную штаб-квартиру англичане отвели несколько крупных зданий, большинство из которых принадлежало пашам, в предместьях Гарден-сити. (Вульф был безмерно счастлив, что вилла «Оливы» избежала экспроприации.) Реквизированные дома были обнесены забором с колючей проволокой. В отличие от людей в военной форме, которых без задержки пропускали в ворота, гражданских останавливали и долго допрашивали, пока часовые звонили в различные службы, чтобы проверить подлинность предъявленных удостоверений.

По городу были разбросаны и другие штаб-квартиры – в отеле «Семирамис» располагалось нечто под названием «Британский контингент в Египте», здесь находилась главная штаб-квартира на Ближнем Востоке, истинный дворец власти. Вульф провел много времени на курсах шпионажа, постигая науку различать военные формы, отличительные знаки полков и узнавать в лицо более сотни старших офицеров Великобритании. Теперь, на протяжении вот уже нескольких дней, он наблюдал за тем, как прибывают громадные машины командующего состава, сквозь стекла которых он видел полковников, генералов, адмиралов и самого главнокомандующего, сэра Клода Окинлека. Они все казались ему несколько странными, пока он не понял, что их фотографии, намертво запечатленные в его памяти, были черно-белыми, а сейчас ему довелось наблюдать полную цветовую гамму.

Руководство генштаба разъезжало на автомобилях, в то время как подчиненные передвигались пешком. Каждое утро приходили капитаны и майоры с небольшими портфелями в руках. После полудня

– как только заканчивалось ежедневное утреннее собрание – некоторые из них уходили, по-прежнему с чемоданами.

Каждый день Вульф следовал за одним из адъютантов.

Большинство из них работали в генштабе, а значит, секретные документы в конце рабочего дня оставались в запертых кабинетах. Вульф же следил за теми, кто присутствовал в центральной штаб-квартире только на утреннем собрании и имел собственный офис в другой части города, то есть за теми, кто каждый день носил с собой бумаги из одной части города в другую. Один из них ходил в отель «Семирамис», двое других – в казармы в Шари Каср-эль-Ниле. Четвертый проделывал путь до непонятого здания в Шари Сулейман-паши.

Вульфу не терпелось порыться в этих портфелях.

Сегодня он собирался сделать подготовительный рейд.

Ожидая под палящим солнцем, пока выйдут адъютанты, Алекс думал о прошедшей ночи, и в уголках его рта под снова отросшими усами блуждала слабая улыбка. Он обещал Соне, что найдет для нее новую Фози. Прошлой ночью он отправился в Бирку и снял девушку в заведении мадам Фахми. Разумеется, вряд ли кто-нибудь может сравниться с Фози – та девчонка была настоящей энтузиасткой, – но и эта оказалась неплохой заменой. Сначала они наслаждались ею по очереди, затем – вместе; потом они немного поиграли в Сонины причудливые возбуждающие игры... Длинная была ночь.

Когда адъютанты вышли, Вульф последовал за теми двумя, что направлялись в казармы.

Минуту спустя из кафе вышел Абдулла и, поравнявшись с ним, спросил:

– Эти двое?

– Да.

Абдулла, толстяк с железным зубом, был одним из самых богатых людей в Каире, но в отличие от большинства состоятельных арабов не подражал европейцам. Он носил сандалии, грязное платье и феску. Его сальные волосы завивались над ушами, под ногтями скопилась черная грязь. Своим богатством этот араб был обязан не земледелию, как паши, и не торговле, как греки, а исключительно преступной деятельности.

Абдулла занимался воровством.

Алексу он нравился. Хитрый, лживый, жестокий, но щедрый и смешливый, для Вульфа он был воплощением всех пороков и добродетелей Востока. Целая армия детей, внуков, племянников, племянниц и кузенов Абдуллы грабила дома и обчищала карманы в Каире вот уже тридцать лет. Он протянул свои щупальца повсюду: оптом продавал гашиш, имел влияние на политиков, владел половиной домов в Бирке, включая заведение мадам Фахми. Сам глава клана жил в огромном, требующем капитального ремонта доме в Старом городе со своими четырьмя женами.

Подельники последовали за двумя офицерами в центр города.

– Тебе нужен один портфель или оба? – поинтересовался Абдулла.

Вульф раздумывал. Один – это еще похоже на случайную кражу, два – тянет на организованную.

– Один, – решил он.

– Который?

– Не важно.

Вульф впервые подумал о том, что следует обратиться к Абдулле за помощью, когда обнаружил, что находится на вилле небезопасно. Однако тогда он решил этого не делать. Абдулла мог на некоторое время где-нибудь спрятать Вульфа – скорее всего в публичном доме. Но, едва успев оказать эту услугу, он тут же повел бы переговоры с британцами о продаже ценной информации. Для Абдуллы весь мир делился на две неравные части: его семья и все остальные. Он очень любил родных и полностью им доверял, но был готов предать кого угодно за пределами семьи и понимал, что «чужие» так же легко предадут его. Дела Абдуллы велись на основе взаимного подозрения, и этот принцип хорошо работал.

Они подошли к перекрестку. Двое офицеров пересекли дорогу, избегая машин. Вульф собирался последовать за ними, но Абдулла схватил его за руку.

– Тут и устроим, – сказал он.

Вульф окинул придирчивым взглядом здания, тротуар, перекресток, уличных торговцев, улыбнулся и кивнул:

– Отличное место.

Операцию назначили на следующий день.

Абдулла действительно выбрал идеальное место для кражи. Здесь оживленный переулок пересекался с одной из главных улиц. На углу

располагалось кафе со столиками, выставленными наружу, что сокращало тротуар примерно наполовину. Напротив кафе, на стороне главной улицы, находилась автобусная остановка. Идея очередей на автобус так и не прижилась в Каире, несмотря на шестьдесят лет британского господства, так что ожидающие просто толпились на тротуаре. На улице было менеелюдно. Абдулла заметил этот недостаток и решил использовать его для того, чтобы устроить маленькое представление с участием двух акробатов.

Вульф сидел за угловым столиком, откуда ему было видно все поле действий, и волновался, как бы дело не сорвалось.

А что, если офицеры именно сегодня вообще не пойдут в казармы? Или пойдут другой дорогой?

У них может не оказаться с собой портфелей.

А вдруг полиция приедет слишком рано и арестует всех участников предполагаемого действия?

Тогда мальчишку схватят и допросят.

Или схватят и допросят самого Вульфа.

Или Абдулла может решить, что добыть деньги другим путем гораздо проще, и сообщит майору Вандаму по телефону, что тот может прийти в кафе «Насиф» в двенадцать часов дня и взять Алекса Вульфа тепленьким.

Вульф боялся тюрьмы. Не просто боялся – от одной мысли о ней он приходил в ужас и его бросало в холодный пот даже в самую беспощадную жару. Он способен жить без хорошей еды, вина, женщин, если у него есть огромная дикая пустыня взамен; с тем же успехом можно было променять свободу пустыни на существование в оживленном городе, если у него будут удобства цивилизации; но нельзя же обходиться и без того, и без другого. Алекс никому никогда не рассказывал о том, что его мучает один и тот же ночной кошмар: как будто он в тюрьме. При мысли о жизни в крошечной тусклой камере среди отбросов общества (и ни одной женщины вокруг), где придется питаться всяким дерьмом, не видя голубого неба, или бесконечного Нила, или открытых равнин, он впадал в панику. «Этого не случится, этого не случится», – мысленно повторял он и старался выкинуть ужасное видение из головы.

В час сорок пять мимо кафе вразвалку прошеествовал огромный Абдулла. У него был отсутствующий вид, но маленькие черные глазки

поглядывали по сторонам, проверяя, все ли необходимые приготовления сделаны. Он пересек дорогу и исчез из поля зрения.

В пять минут третьего Вульф заметил среди массы голов две военные фуражки. Он с трудом усидел на краешке стула.

Офицеры приближались. Портфели были при них.

На другой стороне улицы в припаркованной машине тщательно прогревали ленивый двигатель.

К остановке подъехал автобус, и Вульф подумал: уж этого Абдулла точно не мог подстроить, это везение, подарок судьбы.

Офицеры находились в пяти ярдах от Алекса.

Машина на другой стороне улицы неожиданно двинулась с места. Большой черный «паккард» с мощным мотором. В том, как он трогался с места, чувствовалась американская отточенная мягкость. Автомобиль двигался через улицу, словно нагруженный поклажей слон, с низким рычанием мотора, не обращая внимания на основное движение и беспрестанно сигналив. На углу, в нескольких футах от того места, где сидел Вульф, «паккард» совершенно непринужденно врезался в такси – старенький «фиат».

Двое офицеров остановились возле столика Вульфа, чтобы поглазеть на аварию.

Водитель такси, молодой араб в рубашке западного покроя и феске, выскочил из машины.

Из «паккарда» вылез молодой грек в мохеровом костюме.

Араб назвал грека свиньей.

Грек обозвал араба задницей больного верблюда.

Араб ударил грека по лицу, а грек заехал арабу по носу.

Люди, вышедшие из автобуса, и те, которые собирались в него сесть, приблизились к дерущимся.

На другой стороне улицы один из акробатов, балансирующий на голове у своего партнера, повернулся, чтобы посмотреть на драку, потерял равновесие и упал прямо в гущу толпы.

Какой-то мальчишка стрелой прошмыгнул мимо столика Вульфа. Алекс вскочил, уставившись на мальчика, и закричал изо всех сил:

– Держи вора!

Паренек припустил бегом. Вульф побежал за ним, и еще четверо людей, сидевших рядом с ним, попытались схватить мальчишку. Тот промчался между двумя офицерами, следившими за дракой. Вульф и

четверо преследующих беглеца врезались в офицеров, повалив обоих на землю. Несколько человек принялись кричать «держи вора», хотя большинство из них не имели ни малейшего представления, кто, что и у кого украл. Кто-то из только что подошедших к месту событий вообразил, будто вор – один из дерущихся. Толпа из автобуса, публика, глазевшая на акробатов, и большинство посетителей кафе постепенно вязались в драку – арабы бросились на помощь соплеменнику, считая, что в столкновении виноват грек, тогда как остальные считали, что виновен араб. Несколько мужчин с тростями стали пробиваться через толпу, раздавая удары по головам направо и налево, чтобы разнять дерущихся, но это возымело противоположное действие. Кто-то схватил стул и кинул его в толпу. К счастью, стул пролетел мимо и угодил в лобовое стекло «паккарда». Как бы то ни было, официанты, работники кухни и владелец кафе теперь поспешили наружу и принялись нападать на каждого, кто прикасался к их стульям. Все орали друг на друга как минимум на пяти языках. Проезжающие мимо машины останавливались, водители с удовольствием наблюдали свалку, движение было заблокировано в трех направлениях, каждый остановившийся автомобиль сигнализировал. Какая-то собака, охваченная общим возбуждением, сорвалась с привязи и кусала за ноги всех подряд. В автобусе никого не осталось. Ревущая толпа с каждой секундой становилась все больше. Водители, остановившиеся, чтобы поглазеть на такое «веселье», уже сожалели о своей неосмотрительности – дерущиеся обступили машины, и ни одна из них теперь не могла двинуться с места. Сидящие в автомобилях заперли двери и подняли стекла, в то время как мужчины, женщины и дети, арабы и греки, сирийцы и евреи, австралийцы и шотландцы прыгали по крышам машин, лупили друг друга на капотах и багажниках, заливая их кровью. Кто-то вывалился из окна лавки портного. В магазинчик сувениров, прилегавший к кафе, вбежал испуганный шумом козел и заметался, опрокидывая столики с китайскими изделиями из керамики и фарфора. Невесть откуда взявшийся бабуин – может быть, он ехал на козле, как это было принято в уличных представлениях, – пронесся по головам, плечам и спинам бушующей толпы и исчез в направлении Александрии. Лошадь высвободилась из упряжи и поскакала по улице между машинами. Из

окна над кафе какая-то женщина выплеснула в толпу ведро грязной воды, чего никто и не заметил.

Наконец прибыла полиция.

Когда раздались свистки полицейских, дерущиеся мгновенно опомнились. Нужно было улизнуть, пока не начались аресты. Толпа стремительно редела. Вульф, упавший в самом начале столпотворения, поднялся с земли и перешел на другую сторону улицы, чтобы проследить за развязкой. К этому времени шестерых человек уже заковали в наручники. Все было кончено: не осталось ни одного дерущегося, кроме пожилой дамы в черном одеянии и одноногого нищего, вяло толкающих друг друга в сточной канаве. Хозяин кафе, портной и владелец магазина сувениров заламывали руки и проклинали полицию за то, что те не приехали раньше, на ходу удваивая и утраивая ущерб, чтобы получить большую страховку.

У водителя автобуса была сломана рука, другие отделались порезами и синяками.

Смертельный случай зафиксирован только один: козла сильно покусала собака, и его пришлось пристрелить.

Когда полиция попыталась передвинуть две столкнувшиеся машины, выяснилось, что во время боев уличные мальчишки сняли задние бамперы и крыши.

Детали автобуса, которые можно было сломать или открутить, также исчезли.

А еще исчез один портфель, принадлежащий британскому офицеру.

Алекс Вульф быстро шагал по улочкам Старого города, чрезвычайно довольный собой. Еще неделю назад задача выбить секреты из генштаба представлялась почти невыполнимой. Теперь же оказалось, что ему и это по плечу. Абдулла блестяще выступил в роли режиссера уличной драки, идея была прекрасной.

Вульфу не терпелось узнать, что за бумаги содержатся в украденном портфеле.

Дом Абдуллы ничем не отличался от других зданий, жмущихся друг к другу в трущобах. Его полуразваленный, облупленный фасад был как попало утыкан маленькими кривыми окошками. Входом служила низкая арка без двери, ведущая в темный проход. Вульф нырнул под арку, прошел по коридору и вскарабкался по каменной

лестнице наверх. Там он отодвинул занавеси и оказался в гостиной Абдуллы.

Комната была похожа на своего хозяина – такая же грязная и богатая. Трое маленьких детей и щенок возились на дорогих коврах между инкрустированными столиками. В нише возле окна пожилая женщина склонилась над вышивкой гобелена. Другая женщина выходила из комнаты в тот момент, когда Вульф вошел: здесь не соблюдали мусульманского обычая делить дом на женскую и мужскую половины. Посредине комнаты на вышитой подушке сидел, скрестив ноги, Абдулла, на руках у него спал младенец. Он взглянул на Вульфа и широко улыбнулся:

– Ну что, друг, все получилось!

Вульф сел на пол напротив него.

– Это было потрясающе, – сказал он, – ты волшебник.

– Такой разгул! И автобус прибыл как раз вовремя, и тут еще этот сбежавший бабуин...

Вульф внимательнее присмотрелся к тому, чем занимался Абдулла. На полу перед ним лежала куча бумажников, дамских сумочек, кошельков и часов. Хозяин дома взял в руки кожаный бумажник с красивым узором. Из бумажника он вынул пачку египетских банкнот, несколько почтовых марок и крошечный золотой карандаш и засунул все это куда-то под халат. Затем отложил бумажник, взял дамскую сумочку и стал осматривать ее содержимое.

Вульф все понял.

– Ах ты, старый мошенник. Твои мальчишки обчистили все карманы в этой свалке.

Абдулла усмехнулся, блеснув железным зубом.

– Пройти через такие приготовления и взять только один портфель? Ты меня плохо знаешь.

– Но портфель-то у тебя?

– Конечно.

Вульф расслабился. Однако Абдулла даже не пошевелился, чтобы принести главный трофей.

– Отдай его мне.

– Сейчас, – сказал Абдулла, не двинувшись с места. – Тебе нужно заплатить мне еще пятьдесят фунтов за доставку.

Вульф отсчитал деньги, и они исчезли под грязной галабеей. Абдулла нагнулся, одной рукой он прижал младенца к груди, а другой залез под подушку, на которой сидел, и вытолкнул из-под нее портфель.

Вульф взял его и осмотрел. Замок был сломан. Алекс почувствовал раздражение: должен же быть предел этой двуличности. Он заставил себя говорить спокойно:

– Ты уже открывал его.

Абдулла пожал плечами:

– Маалеш.

Это двусмысленное слово по-арабски значило одновременно «извини» и «ну и что?».

Вульф вздохнул. Он слишком много времени провел в Европе и успел забыть, как дело обстоит дома.

Алекс открыл портфель. Внутри находилась пачка из десяти – двенадцати листов текста, мелко напечатанного по-английски. Когда он принялся за чтение, кто-то поставил перед ним чашечку кофе. Он поднял глаза и увидел перед собой прелестную девушку.

– Твоя дочь? – спросил он у Абдуллы.

Тот засмеялся.

– Моя жена.

Вульф еще раз взглянул на девушку – на вид ей было около четырнадцати лет – и вернулся к бумагам.

Прочитав первый лист, он с возрастающим недоверием просмотрел оставшиеся и отложил их в сторону.

– Боже мой, – слабо выдохнул он и расхохотался.

Он украл полный комплект меню казарменной столовой на июнь.

– Я издал распоряжение, напоминающее офицерам о том, что бумаги генштаба могут перемещаться по городу только при чрезвычайных обстоятельствах, – устало сказал Вандам.

Бодж восседал за огромным закругленным столом, протирая красный мячик для крикета носовым платком.

– Отличная мысль, – согласился он. – Держи ребят в тонусе.

Вандам продолжил:

– Один из моих информаторов... новая девушка – я вам о ней говорил...

– Проститутка?

– Да. – Вандам подавил желание объяснить Боджу, что «проститутка» не совсем верное слово в данном случае. – Так вот, она слышала, что массовая драка была организована Абдуллой.

– Это кто?

– Что-то вроде египетского Феджина. Иногда он выступает в роли моего осведомителя, хотя продажа информации – самое незначительное из его занятий.

– Ну и зачем же была организована драка, если верить этому слуху?

– Для кражи.

– Ну-ну. – Бодж явно сомневался.

– Украл много всякого барахла, но мы должны принять во внимание возможность того, что главным объектом этого мероприятия был портфель.

– Просто тайный сговор! – отметил Бодж с нотками веселого скептицизма в голосе. – И что же этот Абдулла будет делать с нашими меню, а?

– Он не мог знать, что находится в портфеле. Может, он думал, там содержатся секретные документы.

– Повторяю вопрос, – сказал Бодж с видом отца, терпеливо натаскивающего сына перед экзаменами. – Зачем ему секретные документы?

– Может быть, его кто-то нанял.

– Кто?

– Алекс Вульф.

– Кто-кто?

– Убийца капрала из Асьюта.

– Ну вот, опять... Майор, я полагал, мы покончили с тем делом.

На столе у Боджа зазвонил телефон, он взял трубку. Вандам воспользовался передышкой, чтобы остыть. С Боджем все обстоит очень просто, думал он. Дело в том, что подполковник не верит в себя, не доверяет собственному суждению и именно поэтому старается перещеголять других в самоуверенности, тешит себя надеждой, что он все-таки умен. Естественно, Бодж даже не представлял, насколько значима кража портфеля. Он мог бы выслушать доводы Вандама, а затем составить собственное мнение, но это пугало подполковника. Он боялся оказаться втянутым в дискуссию с подчиненным, потому и

употреблял все свои умственные усилия на то, чтобы поймать собеседника на противоречии, на ошибке, найти в его идеях объект для презрения. В результате Бодж добивался искомого чувства превосходства, а решение принималось более или менее случайно.

Подполковник завершил разговор:

– Конечно, сэр, я займусь этим.

Вандам с интересом наблюдал, как Бодж общается с начальством. Наконец тот повесил трубку.

– Так на чем мы остановились?

– Убийца из Асьюта до сих пор на свободе, – сказал Вандам. – Вам не кажется подозрительным, что вскоре после его прибытия в Каир ограблен офицер из генштаба?

– На несколько экземпляров меню.

«Мы ходим по кругу», – подумал Вандам. Со всей возможной деликатностью, на какую только был способен, он заявил:

– В разведке не верят в совпадения, разве не так?

– Не надо читать мне лекции, парень. Даже если бы ты был прав – а я уверен, что ты ошибаешься, – что мы можем предпринять, кроме как выпустить напоминание, которое ты и так уже разослал?

– Я говорил с Абдуллой. Он отрицает свое знакомство с Алексом Вульфом, но я думаю, он лжет.

– Он вор, почему бы не напустить на него египетскую полицию?

– Они все о нем знают, но не могут арестовать его, потому что многие офицеры сколачивают себе состояние из розданных им взяток. Зато мы можем переманить его на нашу сторону, расспросить его, задобрить. Он не знает, что такое преданность...

– Разведывательный отдел генштаба, майор, не переманивает и не задабривает...

– Это может сделать служба полевой безопасности или военная полиция.

Бодж улыбнулся:

– Если я приду в службу полевой безопасности с историей об арабском факире, который украл меню из столовой, меня поднимут на смех...

– Но...

– Мы уже долго бьемся над этим, майор... слишком долго, откровенно говоря.

– Ради бога...

Бодж повысил голос:

– Я не верю, что драка была организована, не верю, что Абдулла намеренно украл портфель, и я не верю, что Вульф – немецкий шпион. Понятно?

– Послушайте, я только хочу...

– Понятно?!

– Да, сэр.

– Прекрасно. Свободен.

Вандам вышел из кабинета.

6

«Я маленький мальчик. Папа говорил, сколько мне лет, но я забыл. Я спрошу его в следующий раз, когда он придет домой. Мой папа – солдат. Место, в которое он уехал, называется Судан. Судан – это очень далеко.

Я хожу в школу. Я изучаю Коран. Коран – священная книга. Еще я учусь читать и писать. Читать – это легко, а писать без помарок трудно. Иногда я собираю хлопок или отвожу животных на водопой.

За мной приглядывают мама и бабушка. Моя бабушка – очень известный человек. Люди со всего света приходят к ней за помощью, когда болеют. Она дает им лекарства, сделанные из трав.

А мне она дает патоку. Я люблю есть ее с творогом. Я сижу на кухне, а бабушка рассказывает мне сказки. Моя любимая история – баллада о Захране, герое из Деншвей. Рассказывая ее, бабушка всегда говорит, что Деншвей недалеко от нас. Наверное, она стареет и многое забывает, потому что я точно знаю, что Деншвей далеко. Я однажды ходил туда с Абделем, и это заняло у нас все утро.

Деншвей – там, где англичане стреляли по голубям. Одна из пуль попала в сарай, и начался пожар. Все мужчины деревни сбежались, чтобы узнать, кто виноват. Один из солдат так испугался всех этих сильных мужчин, которые наступали на него, что выстрелил в них. Между солдатами и деревенскими завязалась драка. В этой драке никто не победил, только солдата, выстрелившего в амбар, убили. Тогда пришли еще солдаты и арестовали всех мужчин в деревне.

Солдаты сделали из дерева такую штуку, которая называется эшафот. Я не знаю, что такое эшафот, но его используют, чтобы вешать людей. Я не знаю, что случается с людьми, когда их вешают. Некоторых деревенских повесили, а некоторых выпороли. Я знаю, что такое порка. Нет ничего хуже порки. Даже когда вешают, наверное, лучше.

Я бы хотел быть как Захран.

Я никогда не видел английских солдат, но я уверен, что я их ненавижу.

Меня зовут Анвар ас-Садат, и я буду героем».

Садат потрогал свои усы. Они ему очень нравились. Когда тебе всего двадцать два года, ты даже в капитанской форме похож на мальчишку, и только усы придают солидный вид. Теперь же ему необходимо выглядеть более чем внушительно, ведь то, что он собирался предложить, было, как обычно, несколько нелепо. На этих камерных собраниях не так уж легко говорить и вести себя так, будто кучка горячих голов действительно способна со дня на день вышвырнуть англичан из Египта.

Садат нарочно постарался придать своему голосу авторитетную басовитость.

– Мы все надеялись, что Роммель одержит верх над британцами в пустыне и освободит нашу страну. – Он окинул комнату взглядом: этот отличный прием позволял и на больших, и на маленьких встречах добиваться эффекта, будто оратор обращается лично к каждому присутствующему. – Однако новости неутешительные. Гитлер согласился отдать Египет под власть итальянцев.

Садат преувеличивал: это была не новость, а просто слух. И большинство присутствующих не заблуждались на этот счет. Тем не менее мелодраматические заявления были в цене, аудитория отозвалась гневным сердитым ворчанием.

Садат продолжал:

– Я предлагаю организации «Свободные офицеры» заключить с немцами договор, по которому мы возглавим в Каире восстание против англичан, а немцы, в свою очередь, гарантируют независимость Египта после поражения Великобритании.

По мере того как он говорил, смехотворность ситуации вновь предстала перед ним со всей ясностью: вот он, крестьянский паренек,

обсуждает с дюжиной недовольных младших офицеров возможность союза с германским рейхом. Хотя, с другой стороны, кому, как не им, представлять интересы египетского народа? Британцы – завоеватели, парламент – марионетка в их руках, король – иностранец.

Существовала и другая причина, побудившая Садата сделать это предложение, но она относилась к ряду тех вещей, в которых люди с трудом признаются даже самим себе. Абделя Насера, предводителя движения, перевели вместе с частью в Судан, и его отсутствие давало Садату возможность занять положение лидера.

Он постарался отмахнуться от этой подлой мыслишки. Сначала необходимо заставить других согласиться с предложением и со способом его осуществления.

Первым заговорил Кемель:

– Примут ли нас немцы всерьез?

Садат кивнул. Это соображение казалось важным и ему. На самом деле они заранее договорились, что Кемель задаст такой вопрос. Обсуждение столь болезненной темы должно было отвлечь внимание от еще более насущной проблемы: можно ли доверять обещаниям немцев, данным кучке бунтарей в неофициальной обстановке? Садат не хотел, чтобы это обсуждалось на собрании. Немцы вряд ли выполнят даже часть своих обязательств; но, если египтяне все-таки поднимутся против англичан и будут затем преданы немцами, египетский народ сможет осознать наконец, насколько ему нужна настоящая независимость. Не исключено, что тогда он пойдет именно за тем, кто организовал предыдущее, пусть неудавшееся, восстание. Сложные политические расчеты не годились для собрания вроде нынешнего: не каждый способен оценить их изящество. Единственный человек, с которым Садат мог обсуждать тактику, был Кемель – инспектор каирской полиции, человек проницательный и осторожный. Работа в полиции научила его быть циничным.

Остальные принялись обсуждать, сработает ли план. Садат не участвовал в дискуссии. «Пускай поболтают, – думал он, – уж это они действительно любят. А как только доходит до дела, все бросаются врассыпную».

Пока офицеры спорили, Садат вспоминал неудачное выступление прошлого лета. Все началось с шейха Аль-Ажара, который проповедовал: «Война нас не касается». Затем египетский парламент с

редкой самостоятельностью взял курс на политику «Спасем Египет от бича войны». До этого момента египетская армия сражалась бок о бок с английской в пустыне; теперь британцы приказали им сложить оружие и уводить войска. Египтяне были рады убраться с поля боя, но не изъявили готовности разоружаться. В этом Садат увидел посланную небом возможность для раздувания революционной борьбы. Вместе с множеством других молодых офицеров он отказался сложить оружие и планировал двинуться на Каир. К огромному разочарованию Садата, британцы моментально уступили и разрешили оставить оружие. Садат безуспешно продолжал раздувать искру восстания в пламя революции, но британцы перехитрили его, не пойдя на открытое противостояние. Поход на Каир не состоялся: кроме людей из подразделения Садата, на место сбора никто не пришел. Они помыли машины, немного подождали и вернулись в лагерь.

Шесть месяцев спустя Садату пришлось пережить другой провал. На этот раз из-за турецкого короля – этого распутного толстяка. Британцы предъявили королю Фаруку ультиматум: или он велит своему министру сформировать новое – пробританское – правительство, или отрекается от престола. Под давлением король потребовал к себе Мустафу Эль-Нахас-пашу и приказал ему сформировать новое правительство. Садат не был роялистом: он заявил, что это нарушение египетского суверенитета, и младшие офицеры под его командованием промаршировали перед дворцом, чтобы приветствовать короля в знак протеста. Так Садат еще раз попытался разжечь восстание. В его планы входило окружить дворец, взяв таким образом короля под символическую защиту. И вновь он оказался в одиночестве.

В обоих случаях молодой бунтарь испытал горькое разочарование. Он был на грани того, чтобы поставить на восстании крест, – пускай египтяне катятся ко всем чертям, думал он в моменты черного отчаяния. Однако минутная слабость проходила: он слишком хорошо знал, что его дело правое и что он достаточно умен, чтобы служить ему.

– Но каким образом мы наладим с немцами контакт? – спросил Имам, один из летчиков. Садату понравилось, что они обсуждают, как именно это сделать. Вопрос о том, делать ли это вообще, уже не стоит.

Кемель ответил:

– Мы можем послать им сообщение. На самолете.

– О да! – Имам был молод и горяч. – Кто-нибудь из нас мог бы отправиться на обычный патрульный облет, а затем, отклонившись от курса, приземлиться за линией фронта.

Один из старших пилотов пробормотал:

– Когда он вернется, ему придется отчитаться за отклонение...

– Он может вовсе не вернуться. – Оживление Имама тут же сменилось отчаянием.

Садат тихо возразил:

– Он может вернуться с Роммелем.

Глаза Имама снова загорелись, и Садат понял, что молодой пилот уже видит себя и Роммеля входящими в Каир во главе освободительной армии. Садат тут же решил, что именно Имаму следует поручить это задание.

– Давайте обсудим текст письма, – предложил Садат. – Думаю, следует изложить четыре пункта. Первое: мы – честные египтяне, у которых есть своя организация внутри армии. Второе: как и вы, мы боремся против англичан. Третье: мы можем собрать армию из повстанцев, которые будут воевать на вашей стороне. Четвертое: мы организуем восстание против англичан в Каире, если вы взамен гарантируете независимость и суверенитет Египта после поражения Великобритании. – Он сделал паузу и, нахмурившись, добавил: – Хорошо бы приложить к этим заявлениям подтверждение нашей лояльности.

Присутствующие молчали. У Кемеля был готов ответ и на этот вопрос, но не мешало бы выступить кому-нибудь другому.

Имам не подвел и тут.

– Давайте передадим им какую-нибудь полезную информацию.

Кемель притворился, что ему не нравится эта идея.

– Какие сведения мы можем достать? Я даже не представляю...

– Снимки английских позиций с воздуха.

– Но как это сделать?

– Сфотографируем обычной камерой. Во время патрульного полета!

Кемель не сдавался:

– Да, но пленку придется проявлять...

– Это лишнее! – возбужденно вскричал Имам. – Пошлем им просто пленку!

– Одну пленку, и все?

– Да сколько захотим!

Садат взял слово:

– Я думаю, Имам прав.

И вот они опять обсуждали детали операции, а не рискованность самой идеи. Оставалось преодолеть последнее препятствие. По своему горькому опыту Садат знал, что эти бунтари так смелы, пока не требуется подставлять свои шеи под нож. Он сказал:

– Значит, остается только один вопрос: кто поведет самолет?

Он обвел глазами комнату и задержал свой взгляд на Имаме.

После секундного колебания Имам встал.

Глаза Садата победно сверкнули.

* * *

Два дня спустя Кемель пешком преодолел три мили, отделявшие центр Каира от пригорода, где жил Садат. Будучи инспектором сыскной полиции, Кемель мог пользоваться служебным автомобилем, но он предпочитал добираться до мест встреч повстанцев налегке по соображениям безопасности. Весьма вероятно, что его коллеги в полиции отнесутся к организации «Свободные офицеры» с симпатией, и все же ему не хотелось подвергать их проверке.

Кемель был старше Садата на пятнадцать лет, тем не менее его отношение к юному другу было похоже на почитание. Кемель разделял цинизм Садата и лишненное иллюзий представление о рычагах политической власти; однако Садат обладал чем-то большим. Пламенный идеализм давал ему неиссякаемую энергию и безграничную надежду.

Кемель шел и ломал голову, как передать товарищу последние новости.

Обращение к Роммелю было отпечатано, подписано Садатом и всеми лидерами движения, исключая отсутствующего Насера, и запечатано в большой коричневый конверт. К нему приложили снимки расположения британских войск. Имам взлетел на своем «Гладиаторе»,

на втором самолете в воздух поднялся Багдади. Они произвели короткую посадку в пустыне, чтобы взять на борт Кемеля, который отдал коричневый конверт Имаму, а сам сел в самолет Багдади. Лицо Имама сияло юношеским восторгом.

Для Кемеля это был первый полет в жизни. Пустыня, такая плоская и однообразная, если смотреть на нее с уровня земли, оказалась бесконечной мозаикой форм и узоров – каменистых заплаток, островков растительности и изрезанных вулканических гор. Багдади предупредил, что во время полета можно замерзнуть, но Кемель решил, что это шутка, – пустыня напоминала печку; однако чем выше самолет поднимался, тем быстрее падала температура, и вскоре он задрожал от холода в своей тонкой рубашке.

Через некоторое время оба самолета повернули на восток, и Багдади сообщил по радио, что Имам отклонился от курса и не отвечает на позывные. Как и ожидалось, с базы передали приказ следовать за Имамом. Эта небольшая сценка была необходима, чтобы Багдади, которому предстояло вернуться, находился вне подозрений.

Они летели над лагерем. Кемель успел рассмотреть танки, грузовики, полевые орудия и джипы. Солдаты махали им руками. Должно быть, это англичане, подумал Кемель. Оба самолета набирали высоту. Прямо впереди они увидели признаки сражения: огромные тучи пыли, взрывы, пулеметный огонь. Они повернули, чтобы обогнуть район сражения с юга.

Кемель рассуждал так: «Мы пролетели через английский лагерь, затем через поле битвы. Следовательно, теперь мы должны быть над немецким лагерем».

Самолет Имама впереди пошел на снижение. Вместо того чтобы последовать за ним, Багдади набрал высоту и повернул на юг. Посмотрев направо, Кемель увидел то же, что и оба пилота, – небольшой лагерь со взлетно-посадочной полосой...

Приближаясь к дому Садата, Кемель вспоминал, как он ликовал там, в небесах над пустыней, когда понял, что они находятся возле немецкого лагеря, а обращение уже почти в руках у Роммеля.

Он постучался в дверь, так и не придумав, что сказать Садату.

Это был обычный частный домишко, гораздо беднее, чем дом Кемеля. Через минуту дверь открыл Садат – в галабее и с трубкой в руках. Он взглянул на лицо Кемеля и тут же сказал:

– Все пропало.

– Да. – Кемель кивнул.

Они прошли в маленькую комнату, которая служила Садату кабинетом. Обстановка была проста: стол, полка с книгами и несколько подушек на голом полу. На столе, поверх кипы бумаг, лежал револьвер.

Они сели. Кемель приступил к рассказу:

– Мы добрались до немецкой базы. Имам начал спускаться на посадочную полосу. И тогда немцы открыли огонь по его самолету. Ведь это был английский самолет... а мы... ты знаешь... мы ведь об этом не подумали...

– Но разве не было понятно, что у него нет враждебных намерений? – возразил Садат. – Он же не вел огонь, не сбрасывал бомбы...

– Он просто снижался, покачивая крыльями, – продолжал Кемель. – Думаю, он хотел связаться с ними при помощи радио. Так или иначе, его продолжали обстреливать. И попали в хвост.

– Вот несчастье!

– Он стал очень быстро падать. Немцы прекратили стрелять. Каким-то чудом ему удалось приземлиться на шасси, и самолет запрыгал по полосе. Думаю, Имам к тому времени уже полностью потерял управление. По крайней мере, он не смог сбросить скорость. Машина вылетела на обочину и увязла в песке, левое крыло ударилось о землю и сломалось, нос уткнулся в песок, а фюзеляж отлетел на сломанное крыло.

Садат смотрел на Кемеля – бледный, притихший; трубка остывала у него в руке. Кемель видел перед собой немецкий грузовик и «скорую помощь», спешащие к разбитому самолету по взлетной полосе, а за ними десять – пятнадцать солдат. Он никогда не забудет, как сердцевина самолета разверзлась, словно распустившийся цветок, и в небо поднялись языки красного и желтого пламени.

– Самолет взорвался, – с трудом выдавил Кемель.

– А Имам?

– Он погиб.

– Мы должны попробовать еще раз, – твердо произнес Садат. – Мы должны придумать другой способ передать обращение.

Кемель взглянул на него и понял, насколько фальшив сейчас резкий тон друга. Садат пытался разжечь трубку, но его руки дрожали. Кемель посмотрел на него внимательнее и увидел в глазах слезы.

– Бедный мальчик, – прошептал Садат.

Вульф снова оказался там же, откуда начинал: он знает, где спрятаны секреты, но не в силах до них добраться.

Украсть еще один портфель, как украли первый, рискованно, англичане могут что-то заподозрить. Даже если придумать другой способ кражи, это не исключает усиления мер безопасности со стороны британцев. Кроме того, один портфель, добытый благодаря случайности, не соответствовал потребностям Алекса: ему был нужен постоянный, беспрепятственный доступ к секретным документам.

Простая цепь размышления привела Вульфа к новому решению. И теперь он занимался не чем иным, как сбрасывал волоски у Сони на лобке.

Они у нее были черные и жесткие и быстро отрастали вновь. Она регулярно их брила, чтобы без помех носить прозрачные шаровары, не надевая плотных, украшенных блестками трусиков. Экстремальная степень физической свободы и устойчивый слух о том, что у знаменитой танцовщицы под шароварами ничего нет, помогали ей снова и снова становиться гвоздем программы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.